
Ф.Д. ДЖЕЙМС
Бесспорное правосудие
P.D.J
Ф.Д. Джеймс – королева романов о преступлениях

Филлис Дороти Джеймс

Бесспорное правосудие

Серия «Адам Дэлглиш», книга 10

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11868599
Бесспорное правосудие: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-080141-1

Аннотация

Процесс по делу Гарри Эша, обвинявшегося в убийстве с особой жестокостью, выигран благодаря блестящей защите адвоката Венис Олдридж. Но вскоре после окончания судебного процесса ее находят в собственном кабинете мертвой, с окровавленной головой.

Адам Дэлглиш, расследуя обстоятельства ее гибели, выясняет: многие не любили молодую удачливую юристку и завидовали ей. А в деле Гарри Эша, которым она занималась, скрыто много тайн, связанных с семьей самой Венис Олдридж. И похоже, неизвестный преступник не остановится ни перед чем, чтобы они никогда не всплыли наружу…

Содержание

Книга первая. Защитник обвиняемого 5
Глава первая 5
Глава вторая 16
Глава третья 21
Глава четвертая 29
Глава пятая 31
Глава шестая 34
Глава седьмая 45
Глава восьмая 53
Глава девятая 58
Глава десятая 63
Конец ознакомительного фрагмента. 66

Филлис Дороти Джеймс
Бесспорное правосудие

© P.D. James, 1997
© Перевод. В.И. Бернацкая, 2015
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Книга первая. Защитник обвиняемого

Глава первая

Убийцы обычно не уведомляют своих жертв о готовящемся против них преступлении. И этой смерти тоже, как бы ни ужаснула она жертву в последний момент, все же не предшествовало мучительное ожидание конца. Когда в среду днем 11 сентября Венис Олдридж поднялась, чтобы подвергнуть перекрестному допросу главного свидетеля обвинения в деле «Королева против Эша», ей оставалось жить четыре недели, четыре часа и пятьдесят минут. После ее смерти многие, кто ею восхищался, и немногие, кто ее любил, желая внести личную нотку в общий хор из возгласов ужаса и негодования, невнятно бормотали, что Венис, несомненно, понравилось бы, знай она, что ее последнее дело слушалось в Первом суде Олд-Бейли[1], любимом месте, помнящем ее величайшие победы.

И в этом была своя истина.

Первый зал Центрального суда покорил ее с самой первой минуты, когда она пришла туда еще студенткой. Венис всегда старалась контролировать ту часть сознания, которая, как она подозревала, легко оказывается в обольстительных сетях исторических традиций, и все же не могла сопротивляться элегантности этого зала, обитого деревянными панелями, и самой атмосфере, которая ее окрыляла, принося одно из сильнейших наслаждений, которые давала профессия. Размеры и пропорции зала говорили об удивительном чувстве меры; гербы с богатой резьбой над столом председателя и великолепный, изготовленный в семнадцатом веке Меч Правосудия, висящий чуть ниже, выглядели столь же достойно; казался интригующим и контраст между свидетельской трибуной под навесом, выглядевшей как кафедра проповедника, и широкой скамьей для подсудимых напротив судьи. Как все места, идеально приспособленные для нужных целей, где присутствует все необходимое, и нет ничего лишнего, оно пробуждало чувство покоя и даже вызывало иллюзию, что человеческими страстями можно управлять. Однажды, когда, любопытства ради, Венис поднялась на общую галерею и некоторое время сидела там, глядя вниз на пустой зал, ей пришло в голову, что только здесь, где зрители сидят плотно, как сельди в бочке, воздух пропитан ужасом, надеждой и отчаянием.

И вот она снова в любимом зале. Венис не ожидала, что это дело будет слушаться в самом престижном суде Олд-Бейли и вести его будет член Высокого суда, но случилось так, что предыдущий процесс отменился, и расписание судьи и определение места заседания было пересмотрено. Она сочла это хорошим знаком. У нее были и поражения в этом зале, но горечи они не оставили. Да и побед здесь было значительно больше.

Сегодня, как и всегда, Венис не смотрела в сторону судьи, присяжных, свидетелей. Она редко переговаривалась со своим помощником или с юристом Эша, сидящим впереди, и никогда ни на минуту не заставляла себя ждать, когда надо было извлечь из кипы бумаг единственно нужную. Ни один защитник не входил в зал суда подготовленный лучше, чем она. На своего подзащитного Венис тоже редко смотрела, а если и поглядывала, то незаметно, лишь слегка повернув голову к скамье, на которой он сидел. Однако ни на секунду не забывала о его молчаливом присутствии, как не забывали о нем и члены суда. Гарри Эш, которому на момент суда был двадцать один год и три месяца, обвинялся в убийстве родной тетки, миссис Риты О'Киф, найденной с перерезанным горлом. Один точный удар был роковым.

[1] Олд-Бейли – Центральный уголовный суд в Лондоне. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Остальные множественные раны на полуобнаженном теле были нанесены словно в приступе безумия. Часто при совершении особенно жестокого убийства обвиняемый кажется окружающим слишком заурядным человеком, неподходящим кандидатом для такого страшного преступления. Но в данном случае во внешности подсудимого не было ничего заурядного. Чтобы воссоздать в памяти черты лица молодого че-ловека, Венис не нужно было лишний раз на него смотреть.

У подсудимого были черные волосы, глаза, хмуро взиравшие на мир из-под прямых густых бровей, большой рот, тонкие, упрямо и жестко сложенные губы, заостренный нос. Длинная и тонкая шея придавала его голове вид жреческой хищной птицы. Эш не ерзал на месте и вообще почти не двигался, просто сидел с прямой спиной посередине скамьи с охранниками по бокам. В сторону жюри присяжных, слева от него, почти не глядел. Только раз, во время вступительного слова обвинителя, Венис заметила, что он посмотрел вверх, где сидели зеваки, взгляд его презрительно скользнул по рядам, как бы оценивая, какого рода аудиторию он привлек, а потом снова перевел взгляд на судью. Но в его неподвижности не было никакого напряжения. Напротив, он производил впечатление человека, привыкшего к публичности, и вел себя как юный князек в окружении придворных на народном празднике, где, не получая никакого удовольствия, просто отбывал повинность. А вот присяжные, обычная «сборная солянка» из мужчин и женщин, призванных разобраться в этом деле, показались Венис странно подобранным сбродом. По меньшей мере четверо из них – в джемперах и рубашках с открытым воротом – выглядели так, словно собрались помыть машину. Обвиняемый по контрасту был одет с иголочки – в темно-синий костюм в полоску и рубашку такой ослепительной белизны, что ее можно было использовать в рекламе стирального порошка. Костюм был хорошо отутюжен, хотя и плохо скроен: из-за подкладных плеч атлетическое молодое тело казалось по-юношески нескладным. Неплохо задумано: костюм говорил о чувстве собственного достоинства владельца и одновременно о его эмоциональной ранимости – на этом сочетании Венис и собиралась сыграть.

К Руфусу Мэтьюсу она испытывала уважение, но не симпатию. Цветистое красноречие устарело, да и прежде не было присуще обвинению, но Руфус любил побеждать. Он заставит ее сражаться за каждый пункт. В своем вступительном слове обвинитель изложил суть дела кратко и бесстрастно, словно хотел подчеркнуть, что все настолько ясно, что не требует особых пояс-нений.

Гарри Эш жил с миссис Ритой О'Киф, теткой по материнской линии, в доме номер 397 по Уэствэй в течение года и восьми месяцев до ее смерти. Детство Гарри прошло в приютах, откуда его восемь раз забирали разные приемные родители, но потом возвращали обратно. Повзрослев, он бомжевал в Лондоне, какое-то время работал в баре на Ибице, а потом переехал к тетке. Отношения между племянником и теткой вряд ли относились к разряду нормальных. Миссис О'Киф любила развлекаться с мужчинами, а Гарри – то ли по принуждению, то ли по собственному желанию – фотографировал их сексуальные игры. Эти фотографии прилагались к делу.

В вечер убийства, 12 января в пятницу, миссис О'Киф и Гарри видели с шести до девяти в ресторане «Герцог Кларенс» в Косгроув-Гарденс в полутора милях от Уэствэя. Между ними произошла ссора, и Гарри вскоре после девяти покинул ресторан, сказав, что идет домой. Тетка осталась и продолжала пить. Около половины одиннадцатого ее отказались обслуживать, и двое друзей усадили женщину в такси. К этому времени она уже лыка не вязала. Однако мужчины рассудили, что от такси она доберется до квартиры на своих ногах. Таксист высадил ее у дома и видел, как в десять сорок пять она вошла в калитку.

В десять минут первого в полицию позвонил Гарри Эш и рассказал, что, вернувшись с прогулки, обнаружил в доме мертвое тело. Полиция приехала уже через десять минут. Почти полностью обнаженная миссис О'Киф лежала на диване в гостиной с перерезанным гор-

лом. После смерти тело, видимо, продолжали полосовать ножом, нанеся в общей сложности девять ран. По мнению судебного патологоанатома, осмотревшего труп в двенадцать сорок, миссис О'Киф умерла вскоре после возвращения домой. Не было никаких следов взлома и ничего, что наводило бы на мысль о попойке или о визите ночного гостя.

В ванной на душевом кране обнаружили кровь миссис О'Киф, еще два кровавых пятна отыскались на лестничном ковре. Примерно в ста ярдах от дома, под живой изгородью, нашли большой нож. Подсудимый и уборщица признали по треугольному сколу на рукоятке нож из кухонной утвари миссис О'Киф. Отпечатков на нем не было.

Полиции подсудимый рассказал, что после ресторана долго гулял по улицам в районе Уэствэя и, вернувшись домой только после полуночи, нашел тетку убитой.

Однако обвинитель заявил, что суд заслушает показания соседки, которая, по ее словам, видела, как Гарри Эш выходил из дома в вечер убийства в 23.15. По версии государственного обвинения, Гарри Эш из ресторана сразу пошел домой, дождался тетку и, находясь, возможно, тоже без одежды, зарезал ее кухонным ножом. Затем принял душ, оделся и вышел из дома в 23.15, чтобы обеспечить себе алиби.

Заключительные слова Руфуса Мэтьюса были по сути формальные. Если присяжных убедят свидетельства вины Гарри Эша, их долг вынести вердикт: виновен в убийстве миссис Риты О'Киф. Но если в конце процесса у них останутся достаточные сомнения в его вине, тогда подсудимого следует оправдать.

Перекрестный допрос Стивена Райта, хозяина «Герцог Кларенс», на третий день суда прошел для Венис, как она и ожидала, довольно легко. На свидетельскую трибуну он взошел с самодовольным видом человека, решившего показать всем этим ученым «парикам» и «алым мантиям», что он не робкого десятка, а небрежно произнесенная им присяга ясно показывала пренебрежение к устаревшему ритуалу. На его сальную усмешку Венис ответила долгим холодным взглядом. Обвинение вызвало Райта, чтобы подтвердить слова очевидцев о том, что в ресторане между миссис О'Киф и племянником установились напряженные отношения, и женщина, казалось, побаивалась своего племянника. Но Райт был неубедителен и пристрастен и не смог противостоять другим свидетелям, говорившим, что Эш мало пил и мало говорил. «Да, он вел себя тихо, – сказал Райт, высокомерно повернувшись к жюри. – Но это молчание сулило беду. И все время смотрел на нее этим своим жутким взглядом. Чтобы вызвать страх, ему не надо пить».

Венис получила удовольствие от этого перекрестного допроса и, когда Стивена Райта отпустили, не смогла удержаться от сочувственного взгляда на Руфуса, который поднялся, чтобы как-то смягчить неприятный осадок от показаний свидетеля. Оба знали, что последние несколько минут украли нечто большее, чем веру в одно свидетельское показание. Всякий раз, когда свидетель обвинения демонстрирует свою несостоятельность, тень недоверия падает и на само обвинение. Венис знала, что с самого начала обладает преимуществом: жертва не вызывала инстинктивного сочувствия. Покажите присяжным фотографию подвергшегося насилию мертвого ребенка, хрупкого, как только что оперившийся птенец, и некий атавистический голос обязательно шепнет им: «Кто-то должен за это ответить». Жажда мести, которую так легко спутать с требованием справедливости, всегда работает на обвинение. Присяжным не хочется осудить невиновного, но им нужно кого-то наказать. Свидетелю обвинения часто верят, потому что хотят этого. Но фотографии, сделанные полицией, на которых был виден дряблый, развалившийся живот, раскинутые груди и рассеченные сосуды, вызывали, по ассоциации со свиной тушей, подвешенной на крюк мясника, скорее, отвращение, чем сочувствие. Эти снимки полностью уничтожили ее как личность. Именно тут кроется трудность в деле об убийстве: жертва не может защитить себя. Рита О'Киф была непривлекательной, сварливой, пятидесятипятилетней пьяницей с непреодолимым влечением к джину и сексу. Четверо присяжных были молодыми людьми, двое только-

только достигли нужного для выполнения этой обязанности возраста. Старость и некрасивость отталкивают молодых. Их внутренний голос пробормочет что-то вроде: «Сама доигралась».

И вот сегодня, на второй неделе и седьмом дне судебного процесса, пришло время решающего, по мнению Венис, перекрестного допроса главного свидетеля – соседки жертвы, миссис Дороти Скалли, шестидесятидевятилетней вдовы, той самой женщины, которая сказала полиции, а теперь и суду, что видела, как Гарри Эш выходил из дома номер 397 в 23.15 в ночь убийства.

Венис наблюдала за женщиной на первоначальном опросе свидетелей и отметила ее сильные и слабые стороны. Она узнала все, что ей требовалось. Миссис Скалли была стеснена в средствах, но не бедствовала, обычная вдова, живущая на пенсию. В конце концов, Уэствэй – благополучный район, где надежные, законопослушные представители нижней прослойки среднего класса живут в собственных домах, испытывая чувство гордости за безукоризненно чистые кружевные шторы и ухоженные лужайки, каждая из которых личная победа хозяев над тусклой повседневностью. Но теперь этот район сносился, он утопал в удушливых облаках коричневато-желтой пыли, он был обречен. Работы по расширению дороги неумолимо продвигались вперед, и на старом месте осталось лишь несколько домов. Даже протестные объявления на досках, отделявших пустые участки от новой дороги, стали со временем выцветать. Скоро здесь будет лишь гудронированное покрытие да неумолкаемый шум и скрежет потока автомобилей, мчащихся к западу от Лондона. Через некоторое время никто и не вспомнит, что было раньше на этом месте. Миссис Скалли уедет одна из последних. Останутся только хрупкие воспоминания. Она принесла с собой на свидетельскую трибуну почти уничтоженное прошлое, неопределенное будущее, респектабельность и честность. Слабые средства защиты для противостояния одному из лучших специалистов по перекрестному допросу.

Венис видела, что свидетельница не купила новое пальто для выступления в суде. Новое пальто – слишком большая роскошь, только очень холодная зима или ветхость старой одежды могут оправдать такую покупку. Однако для появления на людях была куплена светло-синяя фетровая шляпка с маленькими полями и большим белым цветком, которая смотрелась несколько фривольно на фоне добротного твида.

Миссис Скалли волновалась, принося присягу, ее голос был еле слышен. Во время дачи показаний судье пришлось дважды наклоняться вперед и вежливо просить старческим голосом говорить свидетельницу громче. Со временем она, однако, обрела некоторую уверенность. Руфус старался помочь ей тем, что иногда повторял вопрос, но Венис показалось, что это больше сбивало свидетельницу, чем помогало. Она также подумала, что миссис Скалли не должен нравиться его слишком громкий и уверенный голос представителя высшего класса и привычка произносить замечания по ходу дела куда-то в воздух над головами присяжных. Удачнее всего Руфус справлялся с недружелюбно настроенными свидетелями. Старая, трогательная, глуховатая миссис Скалли пробуждала в нем задиру. Но она была хорошим свидетелем, отвечала просто и убедительно.

В семь часов она поужинала, а затем смотрела ви-деофильм «Звуки музыки» вместе с подругой миссис Пирс, живущей в пяти домах от нее. У нее самой нет видеомагнитофона, но подруга раз в неделю берет напрокат кассету и обычно приглашает ее в этот вечер, чтобы посмотреть фильм вместе. Она, как правило, не выходит по вечерам из дома, но миссис Пирс живет так близко, что пройти небольшое расстояние по освещенной дороге не так уж и страшно. В точности названного времени она уверена. Когда фильм закончился, подруги отметили, что он шел намного больше, чем они ожидали. Часы на камине показывали десять минут двенадцатого, и она посмотрела и на собственные часы, удивившись, что время пролетело так быстро. Гарри Эша она знает с того времени, как он поселился у своей тети. У

нее нет никаких сомнений в том, что именно он вышел из дома номер 397. Молодой человек быстро прошел по садовой дорожке и, выйдя на улицу, свернул налево, тем самым удаляясь от нее. Миссис Скалли удивило, что он так поздно покинул дом, и она некоторое время стояла и смотрела ему вслед, пока молодой человек не скрылся из виду. Только потом она вошла в свой дом под номером 396. Нет, она не помнит, горел ли свет в соседнем доме. Впрочем, ей кажется, что там было темно.

В конце проводимого Руфусом допроса Венис передали записку. Должно быть, Эш подал сигнал своему юристу, и тот подошел к скамье. От него записку передали Венис. Там черной шариковой ручкой было написано твердым, прямым, убористым почерком сле-дующее: «Спросите, какие очки были на ней в ночь убийства».

Венис не оглянулась на подсудимого. Она интуитивно чувствовала, что наступил тот момент, от которого зависит исход дела. Это следовало из первого постулата перекрестного допроса, который она усвоила еще на стадии ученичества: никогда не задавай вопроса, если тебе неизвестен ответ. У нее оставалось пять секунд, чтобы принять решение. Если она задаст этот вопрос и не получит нужного ответа, Эш погиб. Однако Венис не сомневалась в двух вещах. Во-первых, она знала: Эш не написал бы записку, если бы не был уверен в правильности вопроса. Во-вторых, нужно непременно посеять сомнения в отношении свидетельницы. Показания, данные честным и искренним человеком, убийственны для ее подзащитного.

Венис сунула записку под бумаги, словно это было что-то несущественное, к чему можно обратиться позже, и не спеша поднялась со своего места.

– Вы хорошо меня слышите, миссис Скалли?

Женщина кивнула, прошептав «да». Венис ей улыбнулась. Этого достаточно. Вопрос, ободряющая улыбка, теплые нотки в голосе говорили: я тоже женщина, мы на одной стороне. Этим напыщенным мужчинам нас не запугать. А меня бояться нечего.

Венис спокойно и благожелательно вела допрос, и потому, когда она собралась вонзить свидетельнице нож в спину, та ни о чем не догадывалась. Да, она слышала голоса ссорящихся людей, один – мужской, другой – с ирландским акцентом, безусловно, принадлежал миссис О'Киф. По ее мнению, мужчина был один. Миссис О'Киф часто принимала у себя друзей-мужчин. Или точнее будет назвать их клиентами? Уверена ли она, что мужской голос принадлежал Гарри? Нет, не уверена. Венис как бы невинно предположила, что неприязнь к тетке могла невольно перейти и на племянника, заставив соседку предположить, что он мог там быть. Миссис Скалли не привыкла к такому соседству.

– А теперь, миссис Скалли, перейдем к вашему свидетельству, что в молодом человеке, покинувшем дом номер 397 в ночь убийства, вы узнали находящегося здесь подсудимого. Вы часто видели Гарри, выходящего через парадную дверь?

– Нет, он обычно выходит через черный ход, где стоит его мотоцикл.

– Значит, видно, как он вывозит мотоцикл через садовую калитку?

– Иногда. Это видно из окна моей спальни в глубине дома.

– То есть из-за мотоцикла ему привычнее выходить этим путем?

– Думаю, да.

– А вы видели, чтобы он выходил через садовую калитку без мотоцикла?

– Полагаю, пару раз видела.

– Всего пару раз? Или пару раз в неделю? Не волнуйтесь, если не можете точно припомнить, вы не обязаны были это запоминать.

– Кажется, видела, как он выходил два или три раза в неделю. Иногда с мотоциклом, иногда без него.

– А как часто он покидал дом через парадную дверь?

– Не помню. Однажды он вызвал такси. Тогда точно вышел через парадную дверь.

– Как и следовало ожидать. Но часто ли он пользовался таким путем? Понимаете, я хочу выяснить, как привычнее Гарри выходить из дома: эта информация может помочь присяжным.

– Обычно они пользовались черным ходом.

– Ясно. Обычно оба пользовались черным ходом. – И тут же спокойно, все тем же доброжелательным тоном Венис задала вопрос: – Миссис Скалли, на вас новые очки?

Женщина поднесла руки к очкам, словно проверяя, надела ли их.

– Да, новые. Очки я приобрела ко дню рождения.

– И когда это было?

– 16 февраля. Насколько я помню.

– Вы уверены в точности даты?

– Да. – Свидетельница повернулась к судье, стараясь, чтобы ее лучше поняли. – Я собиралась выпить чашечку чая с сестрой и зашла за очками по дороге. Мне было интересно, понравится ли ей оправа.

– Это было точно 16 февраля, через пять недель после убийства миссис О'Киф?

– Совершенно точно.

– Сестре понравились очки?

– Они показались ей немного экстравагантными, но мне хотелось чего-то нового. Старая оправа надоедает. Решила попробовать другую.

А теперь – решающий вопрос, но Венис была уверена в ответе. Женщины с низким достатком не станут платить без особых оснований окулисту и не видят в очках всего лишь модный аксессуар.

– Так вы приобрели новые очки, миссис Скалли, потому что хотели сменить оправу? – спросила она.

– Нет. В старых очках я стала хуже видеть, потому и пошла к окулисту.

– А что вы плохо видели?

– Ну, например, телевизионные передачи. Не могла хорошо видеть отдельные лица.

– А где вы смотрите телевизор, миссис Скалли?

– В гостиной.

– Она такого же размера, как комната в соседнем доме?

– Должно быть. Здесь все дома одинаковые.

– Значит, небольшая. Присяжные видели фотографию гостиной миссис О'Киф. Около двенадцати квадратных футов, вроде того?

– Наверное.

– А как далеко вы сидите от экрана?

Первые признаки беспокойства на лице свидетельницы, нервный взгляд на судью и потом ответ:

– Обычно сижу у камина, а телевизор в противоположном углу, у двери.

– Наверное, неудобно, когда экран слишком близко, правда? Но давайте попробуем внести больше ясности. – Венис посмотрела на судью, как бы спрашивая: «Вы позволите, ваша честь?» – и, получив одобрительный кивок, наклонилась к Невилу Сондерсу, юристу Эша: – Сейчас я попрошу этого джентльмена медленно двигаться к его чести, и когда расстояние между ними будет приблизительно такое же, как между вами и телевизором, скажите, пожалуйста, мне об этом, миссис Скалли.

Несколько удивленный, Невил Сондерс тем не менее придал своему лицу приличествующее ситуации торжественно-серьезное выражение и, встав с места, мелкими шажками направился к судье. Когда между ними оставалось футов десять, миссис Скалли кивнула:

– Примерно столько.

– Десять футов или немного меньше, – определила Венис и вновь обратилась к свидетельнице: – Миссис Скалли, я знаю, вы честный свидетель. Вы стараетесь говорить правду, чтобы помочь правосудию, и знаете, как важно докопаться до истины. Ведь от этого зависит свобода и будущее молодой жизни. Суду вы сказали, что плохо видели телевизионное изображение в десяти футах от вас. И в то же время утверждаете под присягой, что узнали моего подзащитного на расстоянии двадцати футов поздним вечером при слабом уличном освещении. Можете ли вы быть полностью уверены, что не ошиблись? А что, если из дома вышел другой молодой человек примерно того же возраста и роста? Не спешите, миссис Скалли. Подумайте. Не торопитесь.

Свидетельнице надо было произнести всего несколько слов: «Это был Гарри Эш. Я его отчетливо видела». Закоренелый преступник ответил бы именно так, зная, что на перекрестном допросе показания ни в коем случае нельзя менять ни в какую сторону. Но такие преступники знают всю судебную систему. А миссис Скалли по сравнению с ними была в невыгодном положении из-за своей честности, трепетности, желания угодить. Помолчав, она сказала:

– Я думала, это был Гарри.

Оставить все как есть или копнуть дальше? В перекрестном допросе всюду таятся опасности.

– Понимаю, – сказала Венис. – Ведь это его дом, он там живет. Вот вы и подумали, что это Гарри. Но четко ли его было видно, миссис Скалли? Вы уверены в этом?

Женщина смотрела на нее широко открытыми глазами.

– Я подумала, что идет Гарри, хотя это мог быть кто-то похожий на него. Но тогда я решила, что это Гарри.

– Тогда вы решили, что это Гарри, хотя из дома мог выйти кто-то на него похожий. Простительная ошибка, миссис Скалли, но все же ошибка. Спасибо.

Руфус, естественно, не мог не вмешаться. Имея право на повторный допрос свидетеля с целью прояснения обстоятельств, он встал, с важным видом поправил мантию и, озадаченно нахмурив брови, уставился в пространство над свидетельской трибуной с видом человека, ожидающего перемены погоды. Миссис Скалли смотрела на него с беспокойством нашкодившего ребенка, который знает, что разочаровал старших своим поведением. Руфус постарался смягчить тон:

– Миссис Скалли, простите, что задерживаю вас, но, полагаю, присяжных может смутить одно обстоятельство. Во время первоначального допроса у вас не было никаких сомнений, что в ночь убийства именно Гарри Эш покинул дом своей тетки в 23.15. Однако моему ученому коллеге во время перекрестного допроса вы сказали – цитирую точно: «Это мог быть кто-то похожий на него. Но тогда я решила, что это Гарри». Надеюсь, вы понимаете, что эти заявления не могут быть оба верными. Присяжным будет трудно понять, что вы хотите сказать на самом деле. Признаюсь, я тоже в недоумении. Поэтому задам только один вопрос: как вы считаете, кто вышел из дома номер 397 тем вечером?

Теперь свидетельнице хотелось только одного: поскорее сойти со свидетельской трибуны, чтобы ее не разрывали два человека, требовавшие ясного ответа – только разного. Она взглянула на судью, словно надеясь, что он ответит за нее или хотя бы подскажет ответ. Все молчали. И ответ пришел – безрассудно иск-ренний:

– Я думаю, это был Гарри Эш.

Венис понимала, что Руфусу остается только пригласить следующего свидетеля, миссис Роз Пирс, чтобы та подтвердила время ухода от нее миссис Скалли. Это было важно. Если миссис О'Киф убили сразу же или вскоре после ее возвращения из ресторана, у Гарри было тридцать минут для того, чтобы ее убить, принять душ, одеться и уйти из дома. Полная, краснощекая, энергичная миссис Пирс в черном шерстяном пальто и маленькой плос-

кой шляпке удобно расположилась на свидетельской трибуне, подобно миссис Ной, укрывшейся на ковчеге мужа. Наверное, есть места, подумала Венис, где миссис Пирс испытывает робость, но главный суд Олд-Бейли к ним не относится. Она сказала, что в прошлом была детской воспитательницей: «нянькой, ваша честь», создав у всех впечатление, что с глупостями представителей мужского пола она справляется не хуже, чем с их детскими шалостями. При взгляде на нее даже Руфуса, похоже, посетили не самые приятные воспоминания о детских воспитателях. Его вопросы были краткими, а ее ответы убедительными. Миссис Скалли ушла как раз перед тем, как каминные часы миссис Пирс, подаренные одной из ее хозяек, пробили четверть двенадцатого.

Венис встала, чтобы задать ей один вопрос:

– Миссис Пирс, скажите, не жаловалась ли ваша подруга в тот вечер, когда вы смотрели видеофильм, на трудности со зрением?

Неожиданный вопрос удивил миссис Пирс, он показался ей праздным.

– Странно, что вы такое спросили, уважаемая мадам защитник. Дороти как раз жаловалась, что картинка расплывается. Но, заметьте, тогда она еще была в старых очках. Дороти уже давно говорила, что надо проверить зрение, и я сказала: чем раньше – тем лучше. Мы еще обсуждали, какую купить оправу – такую, как на ней, или новой формы. Попробуй другую, посоветовала я. Рискни. Живем только раз. На свой день рождения она купила новые очки и с тех пор не знает забот.

Венис поблагодарила ее и села. Ей было немного жаль Руфуса. Ведь в вечер убийства миссис Скалли могла и не пожаловаться на плохое зрение. Но только очень наивные люди верят, что случай не играет роли в криминальном судопроизводстве.

На следующий день в четверг 12 сентября Венис поднялась, чтобы привести доводы в пользу подзащитного. Она уже накануне многое сделала для этого в перекрестном допросе. Теперь ей осталось вызвать только одного оставшегося свидетеля – обвиняемого.

Она знала, что ей придется пригласить Эша на свидетельскую трибуну. Он все равно настоял бы на этом. Во время бесед с ним Венис постигла глубину его тщеславия, смесь заносчивости и бравады, которая могла разом разрушить то, чего ей удалось добиться на перекрестном допросе свидетелей обвинения. Но Эш не собирался упустить последнюю возможность покрасоваться перед публикой. Все эти часы терпеливого сидения на скамье подсудимых были для него чем-то вроде прелюдии к моменту, когда он выступит от своего имени, и тогда или победит, или проиграет. Она узнала его достаточно хорошо, чтобы понять: ему претит сознание того, что он вынужден сидеть и молчать в то время, как другие спорят по его поводу. Ведь это он главная персона в зале суда. Ради него член Высокого суда, облаченный в алую мантию, сидит справа от резного королевского герба, ради него двенадцать мужчин и женщин час за часом внимательно следили за процессом, а прославленные адвокаты в мантиях и париках допрашивали свидетелей и спорили между собой. Венис также знала, что ее подзащитный понимает: сам по себе он всего лишь незначительный предмет для реализации амбиций других людей – система просто использует его, чтобы ее члены могли продемонстрировать свой ум, свои таланты. А вот теперь и у него есть шанс. Венис понимала, что тут есть риск: если его тщеславие и бравада возьмут верх над самоконтролем, их ждет поражение.

Но уже в первые минуты допроса ей стало ясно – волноваться не о чем. Его представление – а она не сомневалась, что это именно представление, – было прекрасно продумано. Эш, конечно, подготовился к первому вопросу, но вот она никак не ожидала такого ответа.

– Гарри, вы любили свою тетю?

Недолгое молчание, и потом:

– Да, я был очень привязан к тете и жалел ее. Но я не уверен, что знаю значение слова любовь.

Это были его первые слова в суде, если не считать отказ признать себя виновным, произнесенный твердым, спокойным голосом. Венис нутром чувствовала реакцию присяжных. Конечно, не знает, откуда ему знать? Мальчик, никогда не знавший отца, брошенный родной матерью, когда ему не было еще восьми лет, росший в приюте, кочевавший из одной приемной семьи в другую, из одного детского дома в другой, никому не нужный с самого рождения. Он никогда не знал ласки, бескорыстной привязанности. Как он мог знать, что такое любовь?

Во время следствия Венис не оставляло чувство, что они два актера, много лет проработавшие вместе и потому хорошо чувствующие друг друга: где надо, они выдерживали паузы, давали коллеге возможность блеснуть, показать себя в выигрышном положении – не из симпатии и даже не из взаимного уважения, а потому что это был дуэт, успех которого зависел от инстинктивного понимания, что нужно делать, чтобы победить. Достоинство его истории крылось в последовательности и простоте. Сейчас он рассказывал в суде то, что раньше говорил полиции, – никаких изменений или приукрашиваний.

Да, в ресторане они с теткой поцапались. Возобновился старый спор: она хотела, чтобы он фотографировал ее с клиентами во время секса, а он не хотел больше этим заниматься. Была не то чтобы серьезная ссора, а скорее, просто разлад, но тетя сильно опьянела, и он решил, что будет лучше уйти, погулять в одиночестве по улицам и подумать, не пора ли от нее съехать.

– Значит, вы хотели покинуть тетю?

– И да, и нет. Я привязался к ней. Думаю, она нуждалась во мне, и еще я обрел дом.

Эш бродил по улицам в районе Уэствэя и, когда решил вернуться, был уже у Шепердз-Буш. На улицах было немного народу. Знакомых он не заметил. И даже точно не помнит, по каким ходил улицам. Домой он пришел сразу после полуночи, увидел тетку, безжизненно лежавшую на диване в гостиной, и тут же позвонил в полицию. Нет, к телу он не прикасался. Войдя в комнату, он сразу понял, что тетя мертва.

Эш твердо держался своих показаний в перекрестном допросе, а на некоторые вопросы быстро отвечал, что того-то не помнит, а в том-то не уверен. На присяжных он не смотрел, они же, сидя по правую сторону, не спускали с него глаз. Когда он наконец покинул свидетельскую трибуну, Венис не могла понять, почему раньше она не вполне доверяла ему.

В своей заключительной речи она пункт за пунктом опровергла все доводы обвинения. Венис как бы доносила до присяжных истинную суть дела, которое поначалу, не без оснований, насторожило их и ее, но теперь открылось в подлинном, справедливом и даже, можно сказать, невинном свете. В чем мотив преступления? Предполагали, что Гарри надеялся на наследство, но дом был единственной собственностью тетки, а денег после его продажи не хватит даже на покрытие долгов. Племянник знал, что деньги утекают у нее сквозь пальцы, она тратила много на выпивку, ее преследовали кредиторы, сборщики долгов часто заглядывали в их дом. На что он мог надеяться? Со смертью тети Гарри ничего не получал, только терял дом.

Остаются следы крови на душевом кране и два пятна крови на лестнице. Существовало предположение, что голый Эш убил тетку, принял душ, а потом вышел из дома, чтобы обеспечить себе алиби. Но один из клиентов миссис О'Киф – особенно если это был постоянный клиент – мог знать, что кран над раковиной в ванной плохо работает, и только естественно, что он помыл обагренные кровью руки под душем.

Обвинение делало главную ставку на одного свидетеля, соседку убитой, миссис Скалли, которая на предварительном допросе сказала, что видела, как Гарри в 23.15 вечера покинул дом через парадную дверь. Присяжные видели миссис Скалли на свидетельской трибуне. Она не могла не показаться им, как и всем в зале суда, честным человеком, намеренным говорить только правду. Но она видела – и то очень короткое время – только муж-

скую фигуру при свете натриевых ламп, которые хорошо освещают мостовые, но бросают зыбкие тени на фасады домов. Тогда на ней были очки, в которых она с трудом различала лица на телевизионном экране, расположенном примерно в десяти футах. На перекрестном допросе миссис Скалли сказала: «Думаю, я могла видеть кого-то похожего на Гарри. Но тогда я решила, что это он». Присяжные могут почувствовать, что нельзя полагаться на первоначальное свидетельство миссис Скалли – самое важное у обвинения.

В заключение Венис сказала:

– По словам Гарри Эша, он пошел гулять ночью по городу, потому что не хотел видеть тетю в пьяном виде, какой, он знал, она вернется из ресторана. Ему требовалось время, чтобы обдумать их совместную жизнь, свое будущее, решить, не стоит ли ему вообще съехать. Как он сказал, стоя на свидетельской трибуне: «Я должен был понять, как мне жить дальше». Так как, к моему глубокому сожалению, вам пришлось видеть приложенные к делу неприличные фотографии, вы можете задать вопрос, почему подсудимый не ушел от тети раньше. Гарри сказал нам об этом. Она была его единственной живой родственницей. Ее дом был единственным постоянным пристанищем, какое он когда-нибудь знал. Он считал, что тетя в нем нуждается. Господа присяжные, трудно бросить того, кому ты нужен, даже если тобой пользуются в такой извращенной и неприятной форме.

И вот он незаметно ушел из ресторана, бродил по ночным улицам, а когда вернулся, застал дома жуткую картину – гостиная была залита кровью. На одежде Гарри полиция не нашла следов крови, на ноже тоже нет его отпечатков. Любой из многочисленных любовников миссис О'Киф мог навестить ее тем вечером.

Господа присяжные, никто не заслуживает такой ужасной смерти. Человеческая жизнь священна, даже если ты не святой, а проститутка. В смерти, как и в жизни, мы все равны перед законом. И миссис О'Киф тоже не заслужила, чтобы ее убили. Но она, как все проститутки – а она была ею, господа присяжные, – из-за своего образа жизни находилась в группе риска. Вам рассказали, какую жизнь она вела. Вы видели фотографии, которые она попросила или заставила сделать племянника. У нее был необузданный сексуальный аппетит, она могла быть любящей и щедрой, но в алкогольном опьянении становилась яростной и жестокой. Мы не знаем, кого она впустила в свой дом тем вечером и что между ними произошло. Медицинское освидетельствование говорит, что непосредственно перед убийством жертва не вступала в сексуальный контакт. Разве не напрашивается мысль, господа присяжные, что убил один из ее клиентов, убил из ревности, в приступе ярости, неудовлетворенности, ненависти или вожделения? Чудовищно жестокое убийство. В состоянии опьянения жертва открыла дверь убийце. Для женщины это обратилось в трагедию. Но не только для нее, а и для молодого человека, который сидит сейчас в зале суда.

Мой ученый коллега в своей вступительной речи ясно изложил обстоятельства дела. Если вы не сомневаетесь в том, что мой подзащитный убил свою тетку, тогда ваш вердикт будет: виновен. Но если, учитывая все сказанное здесь, у вас появились сомнения, что именно его рука нанесла смертельный удар, тогда ваш долг вынести вердикт: невиновен.

Все судьи – актеры. Сильной чертой судьи Моркрофта (свою роль он играл столько лет, что она вошла в его плоть и кровь) было доброжелательное здравомыслие, сдобренное пикантными остротами. Подводя итоги, он обычно склонялся в сторону присяжных, зажав двумя пальцами карандаш, и говорил с ними как с равными, любезно согласившимися пожертвовать своим временем для разрешения трудной проблемы, которая, однако, как все человеческие затруднения, отступала перед усилиями здравого смысла. И сейчас выводы, как и всегда у этого судьи, были безукоризненными по своей полноте и объективности. Моркрофт не допускал ошибок в инструктировании присяжных, на него никогда не подавали жалоб в этой связи.

Присяжные выслушали судью с невозмутимым видом. Глядя на них, Венис не в первый раз подумала, что эта необычная система – суд присяжных – отлично работает, когда приоритетом является защита невиновного, а не осуждение преступника. Он не задуман – а возможно ли это? – выявить истину, всю истину и ничего, кроме истины. Даже европейский инквизиционный суд не в силах был этого добиться. В противном случае ее клиенту не поздоровилось бы.

Теперь она уже ничего не может для него сделать. Присяжные получили напутствие от судьи и удалились на совещание. Судья поднялся, члены суда склонились в поклоне и, стоя, ждали, пока он покинет зал. Венис слышала, как наверху, негромко переговариваясь и шаркая ногами, расходились те, кто сидел на общей галерее. Теперь ей осталось только дождаться приговора.

Глава вторая

В Полет-Корт, расположенном в западной части Мидл-Темпл[2], зажглись газовые фонари. Хьюберт Сент-Джон Лэнгтон, глава адвокатской коллегии «Чемберс», смотрел на них из окна, как делал все сорок лет, что работал здесь. Это время года и это время дня он любил больше всего. Сейчас маленький дворик, одно из красивейших мест в Мидл-Темпл, обволокло вечернее сияние ранней осени, и ветви огромного конского каштана словно вычертили геометрические световые фигуры на георгианских окнах, что усиливало атмосферу почти домашнего покоя восемнадцатого века. Крупная галька сверкала то тут, то там в тротуарах из йоркширского камня, словно их специально отполировали до блеска. Дрисдейл Лод подошел и встал рядом. Некоторое время они молчали, потом Лэнгтон отошел от окна.

– Вот чего мне будет больше всего не хватать – призрачного света фонарей, – сказал он. – Правда, теперь, когда их включает автомат, это совсем не то. Раньше я смотрел, как приходит фонарщик и сам это делает. Когда процедуру отменили, казалось, целая эпоха ушла в прошлое.

Значит, он уходит, решился наконец.

– Все здесь будет скучать без вас. – Лод старался, чтобы в голосе не слышалось ни удивление, ни огор-чение.

Вряд ли мог прозвучать более банальный обмен мнениями по поводу решения, которого Лод с возрастающим нетерпением дожидался более года. Старику пора уходить. Нельзя сказать, чтобы он был очень стар, ему еще не исполнилось семьдесят три, но в последнее время внимательный взгляд Лода уловил постоянное и неумолимое оскудение физических и интеллектуальных сил шефа. Сейчас он видел, как тяжело опустился Лэнгтон за стол, за которым сидел еще его дед и, как он надеялся, будет сидеть сын. Но эта надежда погибла, вместе с остальными, занесенная снежной лавиной в Клостерсе[3].

– Полагаю, дерево со временем срубят, – сказал Лэнгтон. – Люди жалуются, что из-за него летом в комнатах темно. Я рад, что топор к нему поднесут уже без меня.

Лод испытал легкий приступ раздражения. Раньше Лэнгтон не был склонен к сентиментальности.

– Какой топор! – возразил он. – Скорее уж электропилу! Впрочем, не думаю, что на это решатся. Дерево охраняется государством. – Помолчав, Лод спросил с деланым равнодушием: – А когда вы собираетесь уходить?

– В конце года. Когда принимаешь такое решение, нет смысла тянуть. Я заговорил об этом с вами, потому что надо подумать о преемнике. Собрание членов коллегии состоится в октябре. Есть смысл обсудить это сейчас.

Обсудить? А что тут обсуждать? Они с Лэнгтоном стояли во главе коллектива последние десять лет. Коллеги назвали их двумя архиепископами. Возможно, они говорили так с некоторым раздражением и даже насмешкой, но это отражало реальность. Лод решил быть откровенным. Лэнгтон становился все более рассеянным и нерешительным, но это особый случай. Лод должен знать, как обстоят дела. Если предстоит борьба, надо к ней подготовиться.

– Мне казалось, вы хотите видеть преемником меня. Нам хорошо работалось вместе. Я думал, коллеги по «Чемберс» к этому готовы, – сказал он.

– К тому, что наследный принц – вы? Да, наверное. Но все не так просто. Венис тоже проявила к этому интерес.

---

[2] Одна из четырех английских школ, готовящих барристеров.

[3] Горнолыжный курорт в Швейцарии.

– Венис? Впервые слышу. Раньше пост главы «Чемберс» не вызывал у нее ни малейшего интереса.

– То было раньше. А теперь, как мне сказали, она из-менила свое мнение. И к тому же она старше. Чуть-чуть, но все же. Она окончила учебу на семестр раньше вас.

– Венис высказалась по этому вопросу еще в то время, когда вы два месяца отсутствовали по причине инфекционного мононуклеоза, – сказал Лод. – На собрании членов «Чемберс» я спросил, не хочет ли она председательствовать. И я прекрасно помню ее ответ: «У меня нет никакого желания занять это место – ни временно, ни постоянно, если Хьюберт захочет уйти». Разве она каким-то боком участвовала в управлении конторой, занималась скучными рутинными операциями, хотя бы финансами? Да, она приходит в «Чемберс» на собрания, спорит с не устраивающими ее предложениями, но что она делает на самом деле? Ее всегда больше интересовала собственная карьера.

– Может, все дело как раз в карьере. Я тут подумал: а не хочет ли она выбиться в судьи? Ей явно нравится исполнять обязанности помощника рекордера[4]. И если это так, ей важно сменить меня на посту главы коллегии.

– Но это важно и мне. Помилуй бог, Хьюберт, вы ведь не поможете ей обойти меня только потому, что во время того злополучного семестра мне вырезали аппендикс. Единственная причина, по которой она окончила курс раньше, то, что в решающий день я находился на операции. Это откинуло меня на семестр назад. Не думаю, что Венис должна возглавить «Чемберс» только на том основании, что приступила к работе в Михайловскую сессию[5], а меня продержали до великопостного триместра.

– И все же она пришла раньше, – сказал Лэнгтон. – Если она захочет получить эту работу, ей будет трудно отказать.

– Потому что она женщина? Ну, вот мы и подошли к этому. Конечно, это может испугать наиболее робких членов, и все же я полагаю, чувство справедливости победит в них политкорректность.

– Это не только политическая корректность, – мягко произнес Лэнгтон. – Мы придерживаемся определенной линии поведения. Существуют правила в отношении сексуальной дискриминации. Как мы будем выглядеть, если прокатим женщину.

– Венис говорила с тобой? Она действительно сказала, что хочет получить этот пост? – спросил Лод, с трудом сдерживая нарастающий гнев.

– Не со мной. Кажется, с Саймоном – он говорил, что она намекнула ему об этом.

«Ага, значит, Саймон Костелло», – подумал Лод. Полет-Корт, 8, был рассадником сплетен, как и весь «Чемберс», но Саймон принадлежал к ненадежным сплетникам. Не следует обращаться к нему, если хочешь получить проверенные данные.

– Это всего лишь предположение, – сказал Лод. – Если Венис захочет найти сторонников, она вряд ли начнет с Саймона. Он из ее *betes noires*[6]. – И добавил: – Если возможно, стоило бы обойтись без конкурса. Перейдем к разбору кандидатов – и увязнем. «Чемберс» превратится в клетку с хищниками.

– Ну, это вряд ли, – поморщился Лэнгтон. – Если придется голосовать – так и сделаем. Примем решение большинством голосов.

«А тебе самому все равно, – с горечью подумал Лод. – Тебя уже здесь не будет. Десять лет совместной работы, когда приходилось скрывать твою нерешительность, давать советы, прикидываясь, что решение пришло в голову тебе самому. А сейчас ты уходишь в сторону. Неужели тебе не ясно, что это поражение будет для меня невыносимым унижением?»

---

[4] Мировой судья с юрисдикцией по уголовным и гражданским делам.

[5] Осенняя судебная сессия.

[6] Черный список (*фр.*).

– Не думаю, что ее кандидатуру многие поддержат, – сказал он.

– Как сказать! Возможно, она наш самый выдающийся адвокат.

– Что вы говорите, Хьюберт! Наш самый выдающийся адвокат, несомненно, Дезмонд Ульрик.

– Но Дезмонду не нужно это место, – констатировал очевидное Лэнгтон. – Вряд ли он вообще заметит какую-либо перемену.

Лод некоторое время размышлял.

– Членам из отделения в Солсбери и тем, кто работает в основном дома, нет до всего этого дела, и все же я сомневаюсь, что у Венис будет много сторонников. Она не из мировых посредников.

– А важно ли это? Нам нужны перемены, Дрисдейл. Я рад, что не буду при них присутствовать, но понимаю – они грядут. Люди поговаривают о необходимости изменения стратегии. В коллегию придут новые люди, новые идеи.

– Изменение стратегии. Модный термин. Венис может изменить стратегию, но нужны ли «Чемберс» именно такие перемены? Она справится с системами, но с живыми людьми – никогда.

– Мне казалось, она вам нравится. Я всегда считал, что вы друзья.

– Так и есть. Она мне действительно нравится. И если у нее есть друг в «Чемберс», то это я. Мы оба поклонники искусства середины двадцатого века, иногда вместе ходим в театр, раз в два месяца где-нибудь обедаем вдвоем. Я получаю удовольствие от ее общества, надеюсь, она тоже. Но из этого не вытекает, что она будет хорошим руководителем. Да и нужен ли нам во главе коллегии специалист по уголовному праву? Их здесь немного. Мы никогда не искали председателя среди адвокатов-криминалистов.

– В какой-то степени это позиция сноба, – не согласился Лэнгтон. – Мне казалось, мы отходим от нее. Если закон призван защищать справедливость, права человека, его свободу, то не кажется ли тебе, что труд Венис важнее возни Дезмонда с деталями международного морского права.

– Возможно. Но сейчас мы не обсуждаем приоритеты адвокатских специализаций, а выбираем главу «Чемберс». Избрание Венис станет катастрофой. На собрании членов коллегии придется затронуть еще пару вопросов, по которым с Венис будет трудно найти общий язык. Например, каких выпускников приглашать к сотрудничеству. Она будет возражать против кандидатуры Кэтрин Беддингтон.

– Но Венис – ее поручитель.

– Это сделает ее возражение более убедительным. И еще одна вещь. Если вы намерены продлить с Гарри контракт, забудьте об этом. Она хочет упразднить должность старшего клерка и заменить его исполнительным менеджером. И это еще малая толика того, что она захочет изменить.

Вновь воцарилось молчание. Сидящий за столом Лэнгтон выглядел очень усталым. Потом он заговорил:

– В последнее время она кажется мне излишне нервной. Сама на себя не похожа. Вы не знаете, может, что-то случилось?

Значит, он заметил. Преждевременная старость противоречива. Никогда не знаешь, когда и на какое время вернется прежняя ясность мысли – так Лэнгтон бессознательно оборонялся против старости.

– Сейчас с ней дочь. В июле Октавия вернулась из частной школы и, насколько мне известно, с тех пор ничем не занимается. Венис разрешила ей жить в квартире на цокольном этаже, чтобы не мешать друг другу, но сложности остались. Октавии еще нет восемнадцати, за ней нужен контроль, ей требуется совет. Монастырская школа вряд ли хорошо подготовила девушку для самостоятельной жизни в Лондоне. Венис все время в делах, она предпо-

читает не думать об этом. Они никогда особенно не ладили. У Венис не слишком развит материнский инстинкт. Красивой, умной, амбициозной девушке она была бы хорошей матерью, но дочь у нее не такая.

– А как сложилась жизнь у ее мужа после развода? Он каким-то образом присутствует в ее жизни?

– Люк Камминз? Думаю, она много лет его не видела. Не уверен, что он встречается с Октавией. Кажется, он снова женился и живет где-то к юго-западу от Лондона. Жена у него вроде ткачиха или гончар. Короче, занимается художественным промыслом. У меня создалось ощущение, что они нуждаются. Венис никогда о нем не говорит. Свои неудачи она безжалостно вычеркивает из памяти.

– Выходит, все волнения связаны с Октавией?

– Думаю, этого хватает, но это только предположения. Венис мне не исповедуется. В нашу дружбу такое не входит. То, что иногда мы вместе ходим на выставки, не означает, что я хорошо знаю ее – или любую другую женщину, если уж на то пошло. Удивительна, однако, энергия, какую она демонстрирует в коллегии. Вы не замечали, что если женщина энергична, ее энергия сильнее мужской?

– Может, она просто другая.

– Женская сила частично питается страхом. Возможно, он идет из прошлого, младенческой памяти. Женщина меняет пеленки, может дать грудь, а может отнять от нее, – пояснил Лод.

– Сейчас не то время, – улыбнулся Лэнгтон. – Отцы меняют пеленки и кормят из бутылочки.

– И все же я прав, Хьюберт, относительно силы и страха. Я нигде больше этого не скажу, но жизнь в «Чемберс» была бы легче, если бы Венис заняла второе место в голосовании. – Лод помолчал, а потом задал вопрос, который его мучил: – Так я могу рассчитывать на вашу поддержку? Вы сами хотите, чтобы я сменил вас на посту главы «Чемберс»?

Этот вопрос был явно нежелательным. На Лода смотрели усталые глаза, а сам Лэнгтон, казалось, погрузился глубже в кресло, будто старался уйти от физического нападения. А когда заговорил, Лод уловил в его дрожащем голосе легкое раздражение:

– Если такова будет общая воля, вы, конечно, можете рассчитывать на мою поддержку. Но если это место захочет получить Венис, трудно представить, как ей можно убедительно отказать. Здесь все решает старшинство. А вы тут уступаете Венис.

«Вот, значит, как, – с горечью подумал Лод. – Выходит, моя проделанная работа ничего не значит».

Он стоял, глядя на человека, которого считал своим другом, и впервые за все время сотрудничества его взгляд был скорее оценочным, чем теплым. Так мог смотреть незнакомец – критически, с равнодушным любопытством отмечающий первые следы раз-рушительного действия времени. Лицо с крупными правильными чертами осунулось, нос заострился, под выступающими скулами обозначились впадины. Глубоко посаженные глаза утратили ясность, в них поселилось смиренное принятие старости. Твердо, бескомпромиссно сжатые губы время от времени увлажнялись и расслабленно подрагивали. Раньше его голова, казалось, была предназначена для ношения судейского парика. И Лэнгтон всегда верил, что так и будет. Но несмотря на успех в профессии и на приятную преемственность – он, как и дед, стал главой «Чем-берс», – у него навсегда остался неприятный осадок от несбывшихся надежд, не до конца реализованного таланта. Как и дед, он засиделся на одном месте.

Обоим не повезло с сыновьями. Отец Хьюберта вернулся с Первой мировой войны с пораженными газом легкими и мозгом, разрушенным кошмарами, о которых он не мог говорить. У него хватило энергии, чтобы произвести на свет сына, но работать в полную силу он так и не смог и в 1925 году умер. Мэтью, единственный сын Хьюберта, такой же умный

и честолюбивый, как отец, и разделявший его восторженное отношение к профессии юриста, погиб на горнолыжном курорте под снежной лавиной через два года после присвоения звания барристера. Именно после этой трагедии в глазах отца стал гаснуть, а затем и вовсе потух честолюбивый огонек.

«Но во мне он не потух, – подумал Лод. – Последние десять лет я поддерживал его, скрывал недочеты, выполнял за него скучную, рутинную работу. Можно было бы устраниться от этой ответственности, но, видит бог, он так не сделает».

Однако в глубине души Лод понимал, что это всего лишь поза. Он не сможет победить. Если настоять на конкурсе, «Чемберс» погрязнет в дрязгах, они перерастут в скандалы, и все это затянется на годы. Если же он победит с небольшим перевесом, то о какой легитимности тут говорить? Ему это еще не раз припомнят. А если отступить и не бороться, тогда следующим главой коллегии станет Венис Олдридж.

Глава третья

Никогда нельзя знать, сколько времени будет заседать жюри присяжных. Иногда, когда дело кажется предельно ясным, не требующим дальнейших дискуссий, присяжные отсутствуют несколько часов, а по путаному, сложному делу вердикт вдруг неожиданно выносится с удивительной быстротой. Адвокаты по-разному проводят это время. Можно заключать пари, за какое время присяжные вынесут вердикт. Некоторые играют в шахматы или в «скраббл»; другие идут в камеры к своим подзащитным, чтобы пережить вместе с ними эти напряженные минуты, ободрить, поддержать и, возможно, предостеречь; есть и такие, которые просматривают показания свидетелей вместе с коллегами, продумывая возможную апелляцию в случае проигрыша. Венис всегда предпочитала проводить время ожидания в одиночестве.

В молодые годы она прогуливалась по коридорам Олд-Бейли, направляясь от старой части в стиле эдвардианского барокко к более современной, затем спускалась вниз, к мраморному великолепию Большого зала, проходила под величественным куполом с тимпанами и синей мозаикой и в очередной раз любовалась статуями, выбрасывая из головы мысли о том, что она могла бы сделать лучше или сделала хуже, и тем самым подготавливала себя к выносу вердикта.

Теперь такая прогулка была для нее просто защитой от волнения. Она предпочитала проводить неизбежный перерыв в библиотеке, а ее явное стремление к уединению гарантировало, что ей никто в этом не помешает. Она машинально взяла с полки книгу и подошла к столу без намерения читать.

«Гарри, ты любил тетю?» Этот вопрос пробудил в памяти другой, такой же – когда это было? – восемьдесят четыре года назад, в марте 1912-го, когда Фредерик Генри Седдон был признан виновным в убийстве своей квартирантки мисс Элизы Барроу. «Седдон, вам нравилась мисс Барроу?» Но кто даст утвердительный ответ после того, как ограбил женщину и похоронил, как нищую? Фрог[7] был в восторге от этого судебного процесса. На этом примере он доказывал, как сильно может повлиять один вопрос на судебное решение. Фрог приводил и другие примеры: признание несостоятельности свидетеля-эксперта в деле Рауза о сгоревшем автомобиле, не сумевшего назвать коэффициент расширения меди при нагревании, или вмешательство судьи, мистера Джастиса Дарлинга, обратившегося к подсудимому с вопросом, почему мышьяк, купленный им якобы для истребления одуванчиков, был расфасован маленькими порциями. А пятнадцатилетняя Венис, сидя в маленькой комнате почти без мебели, сказала: «И это справедливость? Она восторжествовала только потому, что свидетель забыл научный факт, а судья решил вмешаться?»

Казалось, Фрог испытал при этом боль: ему необходимо было верить в справедливость, верить в правосудие. Фрог. Эдмунд Альберт Фроггет. Невероятно, но тем не менее обладатель степени бакалавра искусств, полученной заочно в некоем богом забытом университете. Именно благодаря Эдмунду Фроггету она стала юристом. Венис признавала этот факт, испытывая чувство благодарности к странному, загадочному, грустному маленькому человеку, но редко о нем вспоминала. Память о дне, когда их отношения оборвались, была такой болезненной, что смущение, страх и стыд заслоняли благодарность. Только когда прошлое без приглашения, как сегодня, вторгалось в ее мысли, Венис начинала о нем думать, и тогда ей вновь было пятнадцать, она переносилась в комнату Фрога, слушала его истории и училась криминалистике.

[7] От *англ.* frog – лягушка.

Они сидели по разные стороны небольшого, издававшего шипящий шум газового камина, в котором горела лишь одна секция: Фрог из-за бедности опускал в счетчик мало монет. Но у камина была горелка, на которой он делал какао – крепкое и не слишком сладкое, как любила Венис. Должно быть, она приходила сюда летом, весной и осенью, но в памяти осталась только зима – задернуты не подшитые занавески, затих школьный гул, мальчики после отбоя улеглись по кроватям. Родители, сидящие в гостиной, лучшей комнате дома, не беспокоились о ней, думая, что она делает уроки в своей комнате. В девять часов девочка спускалась вниз, чтобы пожелать родителям спокойной ночи, ответить на обычные вопросы: справилась ли она с домашним заданием и какое расписание на завтра. Но она всегда возвращалась в ту единственную комнату в доме, где была счастлива, где шипел камин, а кресло со сломанными пружинами, в котором она сидела, Фрог делал удобным, подложив ей под спину подушку. Сам Фрог сидел напротив на стуле с прямой спинкой, а рядом с ним на полу лежали шесть томов «Знаменитых английских судебных процессов».

Фрог был самым незаметным, самым эксплуатируемым учителем в «Дейнсфорде», загородной подготовительной школе отца Венис. Его пригласили как преподавателя английского и истории, но на самом деле он выполнял любую работу по указанию директора. Фрог был опрятный, деликатного сложения и небольшого роста человек, курносый, с маленькими, ясными глазами под толстыми линзами очков и рыжими волосами. Мальчишки, само собой, прозвали его Лягушкой. Если бы ему дали шанс, он был бы отличным учителем, но маленькие варвары из ребячьих джунглей пронюхали легкую жертву, и жизнь Фрога превратилась в сущий ад, состоящий из шумных бунтов разбойников и расчетливых жестоких выходок.

Если друг или знакомый Венис интересовался, как прошло ее детство – кое-кто действительно об этом спрашивал, – она отвечала быстро, всегда одними и теми же словами и тоном настолько небрежным, что это пресекало дальнейшее любопытство.

«Отец держал частную подготовительную школу для мальчиков. Конечно, не такую известную, как «Дрэгон» или «Саммер-Филдс», а недорогое заведение, куда родители отправляют детей, когда те им мешают. Не знаю, кто больше не любил школу – ученики, учителя или я. Но думаю, что детство в окружении сотни озорных мальчишек неплохая подготовка к профессии адвоката по уголовным делам. В действительности преподавание у отца было на хорошем уровне. Ребятам еще повезло».

Самой же ей не повезло. Школу – вычурное здание из красного кирпича, бывшее в девятнадцатом веке резиденцией мэра, – изначально построили примерно в двух милях от прелестного беркширского городка, который в то время был чуть больше деревни. К 1963 году, когда Кларенс Олдридж купил школу на завещанные отцом деньги, деревушка превратилась в небольшой городок, сохранявший, однако, свое лицо. Спустя еще десять лет школа уже находилась в «спальном» пригороде, а зеленые холмы затянула злокачественная опухоль из красного кирпича, бетона, административных владений, торговых центров, офисных зданий и многоквартирных домов. Землю между школой и городом приобрел местный совет по муниципальному жилью, но в процессе строительства выделенные на проект деньги закончились и неосвоенная земля с поломанными деревьями, обросшими диким кустарником, осталась пустовать, постепенно превращаясь для детей в игровую площадку, а для окрестных жителей в место свалки. Через этот пустырь Венис ездила на велосипеде в среднюю школу, постоянно испытывая страх, но не меняя маршрута: другой путь был в два раза длиннее, он проходил по главной улице, по которой отец не разрешал ей ездить. Однажды она не послушалась, и ее увидел один из друзей отца, промчавшийся мимо на автомобиле. Отцовский гнев был ужасен и долго не проходил. Но мучительной была и ежедневная поездка по заросшему пустырю с переправой через железнодорожный мост, отделявший пустырь от города, и дальше – по жилому массиву. Каждый день ее школьная форма вызывала у местных ребят насмешки и оскорбления. Каждый день Венис искала менее людную дорогу, ста-

раясь, чтобы на пути не попадались большие, пугающие ее до смерти мальчишки, а завидев поджидающий ее сброд, ускоряла или замедляла ход, презирая себя и ненавидя своих мучителей.

Школа была для нее спасением не только от шпаны. Она чувствовала себя там счастливой – насколько это было возможно. Жизнь в школе разительно отличалась от ее жизни в «Дейнсфорде» в качестве единственного ребенка, и Венис казалось, что она живет в двух разных мирах. К одному она готовилась, надевая темно-зеленую форму и повязывая школьный галстук, и вступала в него, когда слезала с велосипеда и проводила его через школьные ворота. В другой – попадала к вечеру. Этот мир состоял из мальчишечьих голосов, топота ног, стука парт, запахов еды, сырого белья, юных потных тел, а над всем этим витал дух беспокойства, неминуемой неудачи и страха. Но и тут она находила утешение. Оно поджидало ее в маленькой, почти пустой комнате Фрога.

Шесть томов «Знаменитых английских судебных процессов» Фрог использовал как учебники и практические пособия: он представлял некое дело с позиции обвинителя, она – защитника, а потом они менялись ролями. Каждый участник процесса становился ее хорошим знакомым, каждое убийство раскрывалось убедительно и ярко, пробуждая воображение – живое, однако сдерживаемое чувством реальности, потребностью знать, что все эти ужасные мужчины и женщины, некоторые из которых, облитые после смерти известью, покоились на тюремном дворе, не являлись плодами ее воображения, а жили, дышали и умирали, что их трагедии можно анализировать, обсуждать и извлекать выводы. Альфред Артур Рауз, чей горящий автомобиль пылал, как роковой маяк, на дороге Нортгемптона; Мадлен Смит, протягивающая чашку какао – возможно, с мышьяком – сквозь решетку подвала; Джордж Джозеф Смит, игравший на фисгармонии в меблированных комнатах Хайгейта[8] в то время, как обольщенная и убитая им женщина лежала в ванне наверху; Герберт Рауз Армстронг, протягивающий ячменную лепешку, напичканную мышьяком, своему конкуренту со словами «Не побрезгуйте»; Уильям Уоллес, рыскающий по окраинам Ливерпуля, чтобы найти не существующую улицу Менлав-Гарденс-Ист.

В особенное восхищение их приводило дело Сед-дона. Перед тем как они в очередной раз приступали к инсценировке процесса, Фрог кратко излагал факты.

Год: 1910-й. Подсудимый: Седдон Фредерик Генри. Жадный, скупой, помешанный на деньгах и выгоде. Живет с женой Маргарет Энн, пятью детьми, престарелым отцом и служанкой на Торрингтон-Парк в Ислингтоне. Застрахован по линии «промышленного страхования» в лондонской и манчестерской страховых компаниях. Живет в собственном доме и также имеет кое-какую собственность в разных районах Лондона. И вот 25 июля 1910 года у него появляется жилец. Это сорокадевятилетняя Элиза Мэри Барроу, женщина со вздорным характером и дурными привычками, но с большими деньгами. Она воспитывает восьмилетнего сироту Эрни Гранта, сына подруги, всюду возит его с собой и даже спит с ним в одной кровати. Он, похоже, единственный, кто ее любит. Дядя Эрни, мистер Хук, и его жена тоже на некоторое время поселяются у Седдона, но вскоре съезжают. Это происходит после их ссоры с мисс Барроу и резкого разговора с Седдоном, которого они обвиняют в желании завладеть деньгами мисс Барроу. Примерно через год это и происходит. Дело того стоило. Не забывай, на дворе 1910 год. Тысяча шестьсот фунтов в индийских акциях по 3,5 процента, арендное право в одной гостинице и парикмахерской. Двести двенадцать фунтов на депозите в сберегательном банке и наличные в золоте и банкнотах, которые женщина держит под кроватью. Все сбережения она перевела на Седдона в обмен на обещанную ежегодную ренту в размере 150 фунтов, которую тот обязался пожизненно ей выплачивать.

[8] Фешенебельный жилой район в северной части Лондона.

– Так мисс Барроу просто напрашивалась на роль жертвы, – сказала Венис. – Ведь, как только он получил деньги, она стала для него обузой.

– Конечно, ни один юрист не посоветовал бы ей составить такой договор. Но жестокость и алчность не обязательно доводят до убийства. Произнося защитительную речь, ты должна быть свободна от предвзя-тости.

– То есть должна думать, что он этого не делал?

– Неважно, что ты думаешь на самом деле. Твоя цель – убедить присяжных, что государственное обвинение оставило некоторые сомнения не разрешенными. Но ты никогда не примешь правильного решения ни по какому поводу, если первым делом не ознакомишься с фактами.

– Но как он это сделал? Нет, как обвинение докопалось до истины?

– Сделал с помощью мышьяка. Первого сентября 1911 года мисс Барроу пожаловалась на боли в животе, тошноту и прочие неприятные симптомы. Вызвали врача, он регулярно посещал больную в течение двух недель, а рано утром 14 сентября Седдон явился к нему с известием, что его пациентка умерла.

– И врач не настоял на вскрытии?

– Полагаю, он не видел в этом необходимости. В свидетельстве о смерти было написано, что мисс Барроу скончалась от эпидемической дизентерии. В тот же день Седдон распорядился, чтобы ее похоронили за четыре фунта в общей могиле и потребовал комиссионные от похоронного бюро за то, что популяризирует начинание.

– Общая могила была ошибкой, правда?

– Как и его общение с родственниками мисс Барроу, когда те стали наводить справки. Он держался высокомерно, дерзко и оскорбительно. Неудивительно, что у тех появились подозрения, и они обратились к Главному прокурору. Тело мисс Барроу эксгумировали и при вскрытии обнаружили мышьяк. Седдона арестовали, а через полгода арестовали и жену. Им обоим предъявили обвинение в убийстве.

– А может, его повесили не потому, что у обвинения были веские доказательства, а из-за его отвратительной жадности и скупости? Предположили, что за мышьяком он послал в магазин пятнадцатилетнюю дочь Мэгги, хотя она это отрицала. Не думаю, что свидетельству аптекаря – как его, мистер Торли? – можно безоговорочно доверять. Как думаете, вам удалось бы его оправдать? – спросила Венис.

Фрог улыбнулся несколько самодовольно. У него тоже были свои слабости, и Венис иногда забавлялась, играя на них.

– Ты спрашиваешь, смог бы я добиться большего, чем Эдвард Маршал Холл? То был великолепный адвокат. Хотелось бы послушать его, но он умер еще в 1927-м.

Не настолько великий, чтобы навести страх на Апелляционный суд, и все же один из самых знаменитых – красноречивый, настоящий златоуст. Конечно, сейчас другие требования. В современном суде не приняты театральные, драматизированные монологи. Но некоторые его слова мне не забыть. Я напишу их тебе: «Меня не окружают декорации, и текст для меня не написан. Занавеса тоже нет. Так что мне придется самому создать атмосферу иной жизни, ярко представив ее себе, – ведь в этом и заключается работа адвоката». Мне нравятся эти слова.

– Мне тоже, – призналась Венис.

– Кажется, у тебя нужный голос, – сказал Фрог. – Конечно, ты еще маленькая. Неизвестно, достигнет ли он необходимого уровня.

– А какой нужен?

– Приятный на слух. Не резкий. Гибкий, теплый, естественный. И самое главное – доходчивый, чтобы ему хотелось верить.

– Голос так важен?

– Очень. У Нормана Беркета был такой голос. Хотелось бы мне его послушать. Для адвоката голос так же важен, как и для актера. Будь у меня подходящий голос, я бы пошел в юристы. Но, боюсь, моему недостает мощи. Дальше присяжного мне не пойти.

Чтобы Фрог не заметил ее улыбки, Венис склонилась над томом «Знаменитых судебных процессов». Дело было не только в его голосе – высоком, с менторской интонацией, неожиданно превращавшемся в почти мышиный писк, – нельзя было без смеха вообразить парик поверх этой рыжей копны волос или судейскую мантию на маленьком нелепом тельце. И еще она слишком часто слышала пренебрежительные отзывы отца о компетентности Фрога и не верила, что у того есть какие-то шансы в жизни. Но ей была приятна его похвала, а затеянная игра превратилась в привычку. Она удовлетворяла потребность девочки в порядке и стабильности. Гостиная Фрога с еле уловимым запахом газа и двумя потрепанными креслами была даже более надежным убежищем, чем парта в школе. Каждый из них обладал тем, в чем нуждался другой: Фрог был замечательным учителем, а она умной, прилежной ученицей. Каждый вечер Венис торопливо делала домашнее задание, а потом незаметно кралась из основного школьного помещения через пристройку по застланной линолеумом лестнице в комнату Фрога, чтобы слушать его рассказы, разделяя ставшее общим страстное увлечение.

Эта игра закончилась спустя три дня после ее пятнадцатилетия. Фрог взял из школьной библиотеки материалы процесса Флоренс Мейбрик, который они собирались обсудить этим вечером. Накануне он передал книгу Венис, но та не решилась взять ее с собой в школу или оставить дома из страха, что книгу может кто-нибудь увидеть – школьная прислуга или собственные родители. Как-то слабо верилось, что ее частную жизнь уважают. Венис решила отнести книгу в комнату Фрога. Она постучалась просто для проформы: ей не приходило в голову, что учитель может быть дома. Было семь тридцать утра – в это время Фрог надзирал за завтраком учеников. Как она и ожидала, дверь была не заперта.

К ее удивлению, Фрог оказался дома. На кровати лежал большой матерчатый чемодан с откинутым потертым верхом. На стеганом одеяле валялись небрежно брошенные рубашки, пижамы, нижнее белье, аккуратно выглядели только носки, скатанные в клубки. Венис показалось, что она одновременно заметила выражение ужаса от ее появления на лице наставника и грязноватые в промежности кальсоны, которые Фрог, проследив за ее взглядом, швырнул дрожащими руками в чемодан.

– Куда вы собираетесь? – спросила Венис. – Почему складываете чемодан? Вы что, уезжаете?

Фрог отвел глаза в сторону. Она с трудом расслышала его слова:

– Прости, если я принес тебе неприятности. Я этого не хотел… Просто не понимал… Не видел, как другие могут на это посмотреть, – чистый эгоизм с моей стороны.

– Что вы имеете в виду, говоря о неприятностях? И в чем эгоизм?

Венис вошла в комнату, закрыла дверь и, при-сло-нившись к ней, усилием воли заставила Фрога по-вер-нуться и посмотреть ей в глаза. Лицо учителя изображало крайнее смущение и отчаянную мольбу о жалости, причину которой она не понимала, но догадывалась, что помочь ему выше ее разумения и сил. Нехорошие предчувствия и острый страх наполнили девочку, отчего голос ее прозвучал резче обычного:

– Какие неприятности? Вы ничего мне не сделали. О чем вы?

– Похоже, твой отец ложно истолковал характер наших отношений, – подчеркнуто формально ответил Фрог.

– Что он вам сказал?

– Не важно, это ничего не изменит. Он хочет, чтобы я уехал. Еще до начала занятий.

– Я с ним поговорю. Объясню ему. Я все улажу, – сказала Венис, зная, что ничего у нее не выйдет и обещание бессмысленно.

Фрог покачал головой:

– Нет. Пожалуйста, Венис, не надо. От этого всем будет только хуже. – Он отвернулся, сложил рубашку и положил ее в чемодан. – Твой отец обещал дать мне хорошие рекомендации.

Ну конечно, рекомендации. Иначе не получишь хорошей работы. Во власти отца дать их или просто выставить на улицу. Говорить было не о чем, сделать она тоже ничего не могла и все же тянула время, чувствуя, что надо что-то предпринять, что-то сказать на прощание, подать надежду на возможность новой встречи. Но они никогда не встретятся, и переживаемое ею сейчас чувство было не признательностью, а страхом и стыдом. Теперь Фрог укладывал «Знаменитые судебные процессы», и девочка засомневалась, выдержит ли дополнительный вес и без того почти полный чемодан. Один том остался лежать на кровати, и Фрог протянул его Венис. Это было дело Седдона. Не глядя на нее, учитель сказал:

– Пожалуйста, возьми. Мне будет приятно.

Так и не поднимая глаз, он тихо произнес:

– Теперь иди. И прости меня. Я как-то не подумал.

Память была как кинопленка с четко сфокусированными изображениями, выверенными, ярко освещенными декорациями, должным образом организованными действующими лицами, заученными, никогда не меняющимися диалогами, без связующих сцен. И сейчас, глядя невидящими глазами в открытую книгу по договорному праву, она вновь очутилась дома перед отцом в плотно заставленной мебелью столовой, где пахло крепким утренним кофе, тостами и беконом. Вновь сидела за прочным дубовым столом с лишней секцией, с помощью которой можно было увеличить его длину, и та неприятно давила на колени, видела многостворчатые окна, скорее скрывавшие, чем пропускающие свет, резной буфет на луковицеобразных ножках, плиту для подогрева и блюда под крышками. Отец однажды видел пьесу, где богатые люди за завтраком брали еду с бокового столика. Это показалось ему олицетворением изящной жизни, и он ввел такой же обычай в «Дейнсфорде», хотя в меню не было ничего, кроме яиц и бекона или бекона и колбасы. Странно, но она и сейчас почувствовала раздражение от нелепости этой претензии, которая только создавала лишнюю работу матери.

Положив на тарелку бекон, она села и заставила себя взглянуть на отца. Он важно ел, глаза его перебегали с основательно наполненной едой тарелки на аккуратно сложенную рядом «Таймс». Губы влажно розовели под небольшими, коротко подстриженными усиками. Он отрезал кусочки тоста, намазывал их маслом и джемом и отправлял в пульсирующую розовую щель, которую, казалось, невозможно было насытить. У него были квадратные, сильные руки с жесткими волосками на тыльной стороне пальцев. От страха перед ним Венис подташнивало. Она всегда боялась отца, но знала, что к матери за поддержкой бессмысленно обращаться: страх той был еще сильнее. Ребенком он бил девочку за малейшее нарушение домашних правил и установленных норм поведения и учебы. Порка была не очень болезненной, но невыносимо унизительной. Каждый раз Венис твердо решала не кричать, боясь, что услышат мальчики, но все ее старания проявить мужество проваливались: отец не останавливался, пока не услышит ее крик. Хуже всего было то, что Венис знала: отцу доставляет удовольствие это наказание. Когда она стала девушкой, ее перестали пороть. Но отец не так уж много потерял: у него оставались для этой цели школьники.

Сейчас, сидя в библиотеке, она вновь видела перед собой его лицо: широкие, испещренные пятнышками скулы и глаза, которые никогда не смотрели на нее с нежностью и добротой. Одна из школьных учительниц на торжественном вечере в честь окончания школы, где Венис получила почетную награду, сказала, что отец ею гордится. Ей показалось такое невероятным, да, собственно, и сейчас так кажется.

Венис старалась скрыть страх и выглядеть спо-койной:

– Мистер Фроггет сказал, что уезжает.

По-прежнему не глядя на нее, отец с набитым ртом произнес:

– Не надо было встречаться с ним перед отъездом. Надеюсь, ты не обещала писать ему или видеться.

– Конечно, нет, папа. Но почему он уезжает? Это как-то связано со мной?

Мать перестала есть. Бросив испуганный, умоляющий взгляд на Венис, она непроизвольно стала крошить тост. Отец, так и не подняв глаза, перевернул страницу газеты.

– Странно, что ты спрашиваешь. Мистер Митчелл решил, что мне следует знать, как моя дочь проводит время, засиживаясь допоздна почти каждый вечер в спальне учителя начальных классов. Если тебе не важна твоя репутация, могла бы по крайней мере подумать о моей.

– Но мы не делали ничего плохого – только разговаривали о книгах, о профессии адвоката. И не в спальне, а в гостиной.

– У меня нет желания об этом говорить. Как видишь, я даже не спрашиваю, что там у вас было. Если тебе есть что сказать, расскажи матери. Что до меня, я считаю историю законченной. И больше не хочу слышать имя Эдмунда Фроггета в своем дома, а ты теперь изволь делать домашнее задание вот на этом столе, а не у себя в комнате.

Интересно, подумала Венис, когда – в тот день или позже – она поняла, в чем было дело? Отцу требовался повод, чтобы избавиться от Фрога. Тот добросовестно работал, но не умел держать дисциплину, мальчишки его не уважали, на школьных мероприятиях он смотрелся нелепо. Ему мало платили, и все-таки недостаточно мало. Дела в школе шли неважно, только позже она поняла, насколько неважно. Кого-то следовало уволить, и Фрог подходил как нельзя лучше. Отец был умным человеком. Его обвинение – неясное в деталях, но определенное в основном – Фрог не решился бы публично опровергнуть.

Венис никогда больше не видела Фрога и ничего о нем не слышала. Благодарность за то, что он ей дал, всегда омрачалась горьким сознанием своей слабости и предательства. Она была очарована придуманной игрой, но не им самим. И знала, что умрет от стыда, если кто-то из одноклассниц увидит их вместе.

Сознание того, что она не боролась за него, не защищала – если не пылко, то хотя бы решительно, что смущение и страх перед отцом перевесили чувство сострадания, портило память о совместно проведенных вечерах. Венис теперь редко вспоминала учителя. Иногда она задумывалась, жив ли Фрог, и ей рисовались странные, но удивительно живые картины, как он бросается в реку с Вестминстерского моста, а прохожие, перегнувшись через парапет, недоверчиво всматриваются в заколыхавшуюся воду, или как он, сидя на узкой кровати в мансарде, запихивает в рот горсть аспирина и запивает ее дешевым вином.

Интересно, думала Венис, какие чувства испытывала к нему та пятнадцатилетняя девочка? Конечно, не влюбленность. Но, несомненно, симпатию, привязанность, радость от совместной умственной работы, но главное – ощущение интереса к себе. Возможно, она была еще более одинокой, чем думала. Однако Венис со стыдом признавалась себе, что она использовала Фрога и всегда это знала. Если бы, гуляя с подругами на улице, она встретила своего наставника, то притворилась бы, что не знает его.

Суеверный человек мог увидеть в дальнейшей деградации школы возмездие за изгнание Фрога. Однако это могло не случиться – напротив, одно время можно было надеяться на некоторое улучшение положения, так как родители, разочарованные в местной государственной школе, в поисках воображаемого престижа, дисциплины и хороших манер увидели в «Дейнсфорде» относительно дешевый вариант решения семейных проблем. Но самоубийство в школе положило конец этим надеждам. Затянутая в петле шея, юное, свисающее с перил тело, аккуратно исправленное в предсмертной записке слово «пристыженный», первоначально написанное через «е», словно страх перед директором присутствовал

даже в этом заключительном акте душераздирающего бунта, – все это нельзя было скрыть или объяснить. Когда разрезали узел из ночной рубашки, думала Венис, рухнуло больше, чем тело. Последующие недели, следствие, похороны, газетные публикации, заявления о побоях и чрезмерной строгости вылились в череду отъезжавших машин, в ручеек мальчишек, которые, зажав в руках раздутые чемоданы, направлялись к поджидавшим их автомобилям с застенчивым или, напротив, победоносным выражением лица. Школа почила в болезненно-зловонной смеси трагедии и скандала, и когда к дверям наконец подъехал крытый фургон для перевозки мебели, все почувствовали облегчение.

Семья переехала в Лондон. Возможно, думала Венис, отец, как и многие до него, считал, что большой город подобен джунглям, где одиночество, по крайней мере, компенсируется анонимностью, где не задают лишних вопросов и где у стервятников есть более лакомые жертвы, чем опозоренный школьный учитель. Денег, вырученных за школу, хватило на покупку придорожной гостиницы и мотеля, а также на маленький таунхаус в районе Шепердз-Буш и скромную ренту, служившую подспорьем к скромным доходам отца на случайных работах. Спустя несколько месяцев он нашел постоянную низкооплачиваемую работу по проверке письменных работ в заочной школе, которую выполнял так же добросовестно, как и всегда. Когда эта школа закрылась, он дал объявление и набрал учеников. Некоторые оценили высокий уровень преподавания, другим не понравилась маленькая темная комната, где проходили занятия, которую ни у Олдриджа, ни у его жены недоставало энергии привести в порядок, а Венис это не позволялось.

Она ежедневно ходила в среднюю школу, одну из первых показательных школ в Лондоне, демонстрировавших новое направление в образовании. Хотя за первыми годами доктринерского оптимизма последовали обычные проблемы крупных городских школ, все же это было учебное заведение, где умный и прилежный ребенок мог получить знания. Для Венис расставание с традиционной, провинциальной школой (только для девочек), со снобистскими пристрастиями и местными обычаями, оказалось не столь трудным, как она ожидала. В новой или старой школе – она всюду была одинока. Задир она легко усмиряла своим языком – всегда найдется способ заставить себя бояться. Она прилежно занималась в школе, еще прилежнее дома. Венис знала, чего хочет добиться. Три высших балла принесли ей место в Оксфорде. Окончив с отличием университет, она затем с блеском сдала экзамен на право заниматься адвокатской практикой. Еще до поступления в Оксфорд Венис не сомневалась, что знает все необходимое о мужчинах. Самые сильные из них были сущими дьяволами, слабые – моральными трусами. Некоторые мужчины могли вызвать в ней желание, даже восхищение, они ей нравились, и она могла захотеть выйти за одного из них замуж. Но никогда больше она не будет зависеть от мужчины.

Дверь открылась, вернув Венис в настоящее. Она посмотрела на часы. Почти два часа прошло. Неужели жюри заседает так долго? Помощник поспешил ее успокоить:

– Они на месте.

– Есть вопросы?

– Никаких. Приговор готов.

Глава четвертая

Медленно, старательно избегая признаков волнения и беспокойства, члены суда возвращались на свои места, ожидая присяжных и появления судьи. Именно тогда Венис вспомнила своего преподавателя. Для этого консерватора женщина в судейском парике была нелепостью, которую, однако, он стоически переносил, если под париком было хорошенькое личико, почтительные манеры и никакого притязания на интеллектуальное соперничество. В «Чемберс» очень удивились, когда он взял к себе в обучение женщину; это могло быть только во искупление проступков слишком тяжких, чтобы их можно было загладить не таким страшным образом. Венис вспоминала его, скорее, с уважением, чем с любовью, однако он дал ей два совета, за которые она была ему благодарна.

– Сохраняй записи после процессов. Не на какой-то определенный срок – навсегда. Полезно иметь письменные свидетельства о судах – можно учиться на прежних ошибках.

Второй совет был тоже хорош: «Бывают моменты, когда чрезвычайно важно посмотреть в сторону присяжных, бывают моменты, когда это неплохо сделать, но бывают и такие, когда нельзя даже голову повернуть в их сторону. Например, когда они возвращаются с приговором. Никогда не выдавай своего беспокойства в суде. И если ты хорошо выступила, а они все-таки пошли наперекор, твой взгляд их только смутит».

Последнему совету было трудно следовать в Первом зале Центрального суда, где место присяжных располагалось непосредственно против скамьи барристеров. Венис устремила взгляд на место судьи и не перевела его на присяжных, даже когда, следуя обычным предписаниям, секретарь суда предложил их старшине подняться. Интеллигентный мужчина средних лет, одетый более официально, чем остальные, встал. Понятно, подумала Венис, что его избрали старшиной.

– Вы пришли к решению? – спросил секретарь.

– Да, сэр.

– Вы признали Гарри Эша виновным или невиновным в убийстве миссис Риты О’Киф?

– Невиновным.

– Это единогласное решение?

– Да.

В зале стояла тишина, но Венис слышала тихий, неясный шум на общей галерее, что-то среднее между ворчанием и шиканьем, и это могло обозначать удивление, удовлетворение или недовольство. Она не поднимала глаз. Только после оглашения приговора Венис вспомнила о присутствующих и о тех тесно сдвинутых скамьях, на которых сидели родственники и друзья обвиняемого и жертвы, а также зашедшие случайно любители криминальных процессов или, напротив, завсегдатаи оных, люди психически нездоровые и просто любопытные, – все они сидели, бесстрастно взирая вниз, где суд разыгрывал величественный танец с чередованием наступлений и отходов. Теперь он был закончен, и зеваки, теснясь, поспешат вниз по серым, голым ступеням, чтобы глотнуть свежего воздуха и почувствовать вкус свободы.

Венис не смотрела на Эша, хотя знала, что ей придется взглянуть ему в глаза. Нельзя не перекинуться парой слов с оправданным клиентом. Людям необходимо поделиться своей радостью, иногда выразить благодарность, впрочем, Венис догадывалась, что эта благодарность обычно заканчивалась одновременно с предъявлением адвокатского счета. Сама Венис испытывала нечто похожее на симпатию или жалость только к осужденным клиентам. Когда ее посещала склонность к анализу, она объясняла это тем, что не могла справиться с подсознательным чувством вины, которое после победы, особенно если шансов на нее было мало, переходило в неприязнь к подзащитному. Мысль была интересная, но она на ней не

зацикливалась. Другие адвокаты видели неотъемлемую часть своей работы в поддержке, утешении клиента, но для Венис ее задача была более целенаправленной – просто выиграть дело.

Ну что ж, она победила, и теперь, как часто бывало после мгновенного ощущения триумфальной радости, на нее навалилась тяжелая – физическая и эмоциональная – усталость. Обычно она долго не продолжалась, но иногда, когда дело тянулось месяцами, реакция на смену ликования сменялась опустошением настолько сильным, что Венис требовалось собрать всю свою волю, чтобы сложить бумаги, встать на ноги и отвечать на тихие поздравления помощника и стряпчих. Сегодня эти поздравления показались ей какими-то невнятными. Еще молодому помощнику было трудно выказывать радость при оглашении приговора, который, по его мнению, был несправедливым. Но как только усталость схлынула, Венис почувствовала прилив энергии – в тело возвращалась сила. Однако никогда раньше она не испытывала такой антипатии к клиенту. Она надеялась, что никогда больше его не увидит, но слов прощания не избежать.

Он подошел в сопровождении юриста Невила Сондерса, на лице которого было обычное выражение недовольства, словно тот предостерегал клиента от возможного повторения событий, приведших к их знакомству. Холодно улыбаясь, он протянул Венис руку со словами: «Поздравляю». И повернувшись к Эшу: «Вам повезло, молодой человек. Вы должник мисс Олдридж».

Темные глаза уставились на нее, и Венис впервые увидела в них проблеск юмора. Она прочла подтекст: «Мы понимаем друг друга; я-то знаю, что меня спасло, и вы это тоже знаете».

А вслух он произнес следующее:

– Она получит, что ей причитается. У меня бесплатная защита. Не забывайте.

Залившийся краской Сондерс открыл было рот для извинений, но Венис опередила его, сказав: «Всем до свидания», и пошла прочь.

Ей оставалось жить меньше четырех недель. Ни тогда, ни потом она не спросила у юнца, откуда он узнал, какие очки были на миссис Скалли в вечер убийства.

Глава пятая

В тот же самый вечер Хьюберт Лэнгтон вышел из коллегии в шесть часов. Это было обычное для него время, ведь еще недавно он педантично соблюдал маленькие, приносящие утешение жизненные ритуалы. Но сегодня он не видел причины торопиться домой, где его ожидали долгие часы пребывания в одиночестве. Почти бессознательно Лэнгтон свернул направо, пересек Мидл-Темпл-Лейн и, пройдя под аркой Памп-Корт, вышел через Клостерс к церкви Темпла. Церковь была открыта, и он вошел внутрь под звуки органа. Кто-то играл на нем. Музыка была современная, она раздражала Лэнгтона, но он сел на скамью в той части церкви, где располагался хор, там, где сидел почти сорок лет все субботы и воскресенья, позволив усталости и тоске, не отпускавших его весь день, полностью им овладеть.

«Семьдесят два – это еще не старость». Лэнгтон произнес эти слова вслух, но они прозвучали в гулком храме не вызывающим заявлением, а скорее скорбным воплем. Неужели то, что произошло в Двенадцатом суде всего три недели назад, в одну жуткую минуту отняло у него все? С тех пор он постоянно с болью помнил о случившемся. И сейчас при одном воспоминании об этом его охватил ужас.

Лэнгтон дошел до середины своего заключительного слова по делу не столько трудному, сколько юридически интересному, в его основе лежал иск одной международной компании, где затрагивался не только конфликт интересов, но и правовой вопрос. И вдруг потерял нить своих рассуждений. Слова, которые следовало произнести, неожиданно исчезли – их не было ни в его мыслях, ни на языке. Зал суда, где он выступал более сорока лет, вдруг превратился в страшную, неведомую территорию. Он все забыл – фамилию судьи, названия противоборствующих компаний, имя своего помощника и адвоката другой стороны. На какое-то мгновение ему показалось, что даже дыхание у него остановилось; глаза всех присутствующих устремились на него – с удивлением, презрением или любопытством. Кое-как Лэнгтон закончил предложение и сел. Счастье, что он еще мог читать. Написанные слова доносили до него мысль. Заключение он держал в руках, которые дрожали так сильно, что этот сигнал бедствия поняли все в зале. Никто не произнес ни слова, все молчали. После небольшой паузы адвокат противоположной стороны, бросив на Лэнгтона быстрый взгляд, встал, чтобы говорить.

Это не должно повториться. Он не сможет еще раз пережить подобное замешательство, панику. Лэнгтон ходил к своему врачу, рассказал в общих словах о провалах в памяти, поделился страхом, что эти вещи могут быть симптомом более серьезной болезни, и даже выдавил из себя страшное слово – Альцгеймер. Но обследование не выявило никаких нарушений. Врач убедительно говорил о переутомлении, необходимости более отстраненного взгляда на вещи, обязательном отдыхе. С возрастом связи в мозгу становятся не такими эффективными, с этим ничего не поделаешь. Врач напомнил ему слова доктора Джонсона: «Если молодой человек кладет шляпу не на то место, он говорит, что не туда ее положил. А старик в этом случае скажет: «Я потерял шляпу – должно быть, старею». Лэнгтон подозревал, что врач рассказывает этот анекдот в качестве утешения всем своим немолодым пациентам. Утешения он не получил, впрочем, и не ожидал его.

Да, пора уходить на пенсию. Лэнгтон не собирался откровенничать с Дрисдейлом Лодом и сразу пожалел о сказанных словах. Опрометчивый поступок. Но он был мудрее, чем думал. Во главе коллегии адвокатов должен стоять молодой человек. Молодой мужчина или молодая женщина. Дрисдейл или Венис – все равно, кто его сменит. А так ли уж хотелось продолжать работать ему самому? В коллегии все изменилось. Теперь здесь было не братство единомышленников, а просто некое число мужчин и женщин, сидящих в удобных, пусть и не отдельных, кабинетах, живущих независимыми профессиональными интересами

и иногда по неделям не видящих друг друга. Лэнгтон горевал о старых временах, когда он пришел сюда начинающим адвокатом, – в то время не было такой узкой специализации, и коллеги частенько заглядывали в соседние кабинеты, чтобы обсудить заключение по делу или правовые вопросы, а то и получить совет или отрепетировать доводы. Мир был добрее. Теперь все в руках менеджеров с их компьютерами, их технологией и одержимостью результатами. Не лучше ли выбыть из этой игры? Но куда идти? Для него не существовало другого мира, кроме этих прямоугольников из узких улиц и внутренних двориков, где по Мидл-Темпл бродил призрак романтичного юнца с наивными устремлениями.

Его дед, Мэтью Лэнгтон, с детства мечтал быть юристом. Несмотря на фамилию с отсветом кардинальского величия, семейство, в котором он рос, было бедным: прадед держал скобяную лавку в Садбери (графство Суффолк), прабабушка служила в знатной семье. Концы с концами они сводили, но лишних денег никогда не было. Однако их единственный сын отличался острым умом, целеустремленностью и твердо решить стать юристом. Он выиграл стипендию, богатая семья, где работала мать, тоже оказала финансовую поддержку. В возрасте двадцати четырех лет Мэтью Лэнгтон поступил в Мидл-Темпл, одну из четырех английских школ, готовящих барристеров.

И тут память явно преднамеренно, подобно прожектору, вторглась в жизнь самого Хьюберта, останавливаясь и ярко освещая ее отдельные моменты и, словно щелчком пульта, переключаясь с одного воспоминания на другое. Вот он, десятилетний, идет с дедом по саду Мидл-Темпла, стараясь шагать со стариком в ногу, и слушает перечень знаменитых имен, бывших членами старейшего братства: сэр Фрэнсис Дрейк, сэр Уолтер Рэли, Эдмунд Берк, американский патриот Джон Дикинсон, лорды – канцлеры и главные судьи, писатели – Джон Эвелин, Генри Филдинг, Уильям Купер, де Квинси, Теккерей. Они с дедом останавливались у каждого дома, ища символ тамплиеров – невинного агнца и красный крест на белом фоне. Хьюберт помнил, как ликовал он, находя этот знак над входом в здание или на водопроводе. Дед учил его истории, пересказывал легенды. Они считали золотых рыбок в пруду Фаунтин-Корт и стояли, держась за руки, под четырехсотлетней двойной крышей Мидл-Темпл-Холла. Здесь в детские годы он вдыхал воздух истории, романтики, благородных традиций и знал, что придет день, когда он тоже станет частью этого великолепия.

Ему, наверное, было восемь или чуть меньше, когда дед впервые привел его в церковь Темпла. Они подошли к скульптурным изображениям знаменитых рыцарей тринадцатого века, и он запомнил их имена, словно те были его друзьями: Уильям Маршалл, граф Пембрук, и его сыновья Уильям и Джильберт. Уильям Маршалл был главным советником короля Иоанна Безземельного до Великой хартии вольностей. Джеффри де Мандевиль, граф Эссекский, в цилиндрическом шлеме. Хьюберт тонким детским голоском повторял их имена, радуя деда хорошей памятью, и, отважившись, клал ручонки на холодный камень, как будто эти плоские, бесстрастные лица хранили некую тайну, которую ему предстояло унаследовать. Храм пережил этих доблестных рыцарей, как переживет и его самого. Его стены выдержат приход очередного тысячелетия, как выдержали ночь 10 мая 1941 года, когда бушевали языки пламени и ревела подходящая армия, часовня тогда пылала, как печь, мраморные колонны дали трещины, а крышу разорвала бомба, и ее раскаленные обломки попадали на статуи. Тогда казалось, что в пламени гибнут семь веков истории. Но колонны восстановили, статуи реставрировали, вместо деревянных викторианских поставили новые сиденья, как в коллегиальной церкви, а лорд Глентанар пожертвовал церкви свой замечательный орган работы Харрисона, установленный на месте разрушенного.

Теперь, находясь в преклонном возрасте, Хьюберт догадывался, что дед пытался как бы усмирить пылкую гордость от сознания достигнутой карьеры и от членства в старом братстве, и только с ребенком он мог свободно выражать свои чувства, силы которых стыдился. Дед рассказывал свои истории без особого приукрашивания, но бурное воображение

подростка, пришедшее на смену простому детскому восприятию, раскрашивало их яркими красками. Хьюберту казалось, что его куртки касаются роскошные одежды Генриха III и его придворных, направляющихся в Круглую церковь в день Вознесения в 1240 году на освящение великолепного нового клироса. И он почти слышал слабые стоны приговоренного к голодной смерти рыцаря в крошечной Покаянной келье. Восьмилетнему подростку этот рассказ казался не столько ужасным, сколько захватывающим воображение.

– А что он сделал, дедушка?

– Нарушил правила Ордена. Не подчинился Ма-гистру.

– А в наши дни людей сажают туда?

– Теперь – нет. Орден тамплиеров прекратил существование в 1312 году.

– А как же юристы?

– Мне приятно тебе сообщить, что лорд-канцлер применяет не столь драконовские методы.

Хьюберт улыбнулся воспоминанию, продолжая сидеть молча и неподвижно, словно каменное изваяние. Он не помнил, когда органист прекратил играть, как не помнил, сколько времени он здесь сидит. Куда канули все эти годы? Где эти десятилетия, прошедшие с того времени, когда он маленьким мальчиком ходил с дедом меж каменных рыцарей и сидел на утренних субботних и воскресных молениях? Простота и соразмерная красота этих служб, величие музыки ассоциировались у него с профессией, для которой он был рожден. Он и сейчас каждое воскресенье ходит в церковь. Это входило в тот же ритуал, что и покупка двух, одних и тех же, воскресных газет в киоске по пути домой, обед, оставленный Эриком в холодильнике и подогретый согласно его письменной инструкции, короткая послеобеденная прогулка по парку, час сна и вечером – телевизор. Для него посещение церкви и всегда было, как он теперь понял, лишь формальным признанием существующей системы ценностей, а теперь стало всего лишь дополнительным обрядом для придания некой цельности недельному существованию. Чудо, тайна, чувство истории – все ушло. Время, унесшее с собой многое, унесло и это, а также силу и даже разум. Нет, Боже, пожалуйста, только не разум. Он взмолился вместе с Лиром: «Не дайте мне сойти с ума, о боги! Пошлите сил, чтоб не сойти с ума!»

И тут на ум ему пришла более подходящая и смиренная молитва: «Услышь молитву мою, Господи, преклони ухо Твое к мольбе моей, ибо странник я здесь, на земле, как и отцы мои. Пощади меня, дай вновь обрести силы, прежде чем я уйду отсюда навсегда».

Глава шестая

Восьмого октября во вторник в четыре часа дня Венис поправила на плечах мантию, сложила бумаги и в последний раз покинула зал суда в Олд-Бейли. Пристройка 1972 года с рядами обтянутых кожей скамей опустела. В воздухе висела выжидающая тишина, свойственная обычно заполненным людьми помещениям, на время освободившимся от противоборствующих человеческих натур и теперь погружавшимся в вечерний покой.

Процесс не представлял для Венис особых трудностей, но она неожиданно для себя устала и ничего так не хотела, как поскорее попасть в гардеробную для барристеров женского пола и снять с себя рабочую одежду. Она не думала, что сегодняшний суд состоится в Олд-Бейли. Процесс над Брайаном Картрайтом по поводу нанесения им тяжелых телесных повреждений назначили первоначально в Винчестерском суде, но потом перенесли в Лондон из-за сильного предубеждения местного населения против ее подзащитного. Но сам он был скорее огорчен, чем обрадован, такой переменой и все две недели, что шел суд, горько жаловался на неудобства, связанные с новым местом, и сожалел о потерянном времени, потраченном на поездку из фабрики в Лондон. Венис выиграла дело, и все жалобы были забыты. От победы у него закружилась голова, и теперь он не торопился уезжать. Но Венис, мечтавшую поскорее с ним распрощаться, этот суд не удовлетворил – плохо поработало обвинение; председательствующий судья, как казалось, ее недолюбливал и слишком явно выразил неодобрение приговором; утомил ее и обвинитель, уверенный, что присяжные ничего не поймут, пока им не объяснишь это три раза.

И вот теперь Брайан Картрайт суетливо семенил за ней по коридору с неуклюжим упорством благодарного пса, находясь в эйфории от победы, которую даже он при всем своем оптимизме не мог предугадать. Над белоснежным воротничком и аккуратно завязанным галстуком бывшего выпускника привилегированной частной школы из крупных пор его краснощекого крепкого лица выделялся вязкий, как мазь, пот.

– Мы сделали этих негодяев! Отличная работа, мисс Олдридж! А я все делал правильно?

Этот высокомерный мужчина вдруг уподобился ребенку, жаждущему ее похвалы.

– Да, вам удалось ответить на вопросы, не выдав своей неприязни к врагам «кровавого спорта». Мы выиграли, потому что не было убедительных доказательств того, что именно ваш хлыст лишил зрения юного Милза, а Майкл Тьюли оказался ненадежным свидетелем.

– Ненадежным – это уж точно! А Милз ослеп только на один глаз. Конечно, мне жаль парня, правда. Но эти ребята всегда рвутся подраться, а получив отпор, визжат как резаные. Тьюли меня ненавидит. Вы сами сказали, что у него ко мне неприязнь, и присяжные согласились. Действительно неприязнь. Эти письма в прессу. Телефонные звонки. Вы доказали, что он стремился мне навредить. Хорошо его подловили, и мне понравились ваши слова в заключительной речи: «Если у моего подзащитного такой буйный нрав и репутация забияки, то вы, господа присяжные, можете задаться вопросом: почему до пятидесяти пяти лет у него не было неприятностей с законом?»

Венис прибавила шаг, но Картрайт не отставал. Он прямо лучился победой.

– Вряд ли стоит еще раз переживать эту борьбу, мистер Картрайт.

– Вы не сказали, что меня никогда раньше не вызывали в суд, ведь так?

– Но это была бы ложь, а адвокаты не лгут в суде.

– Зато могут, когда нужно, промолчать. Значит, в этот раз невиновен, и в прошлый – тоже. Повезло мне. Все прошло бы не так гладко, если бы на мне была судимость. Не думаю, что присяжные обратили внимание на действительный смысл произнесенных вами слов. – Картрайт рассмеялся. – Или не произнесенных.

Венис подумала, но ничего не сказала. Она знала, что судья обратил внимание. И обвинитель тоже.

Картрайт как будто прочел ее мысли.

– Но они все равно ничего сделать не могли, правда? Меня ведь оправдали. – Понизив голос и оглядевшись по сторонам, он добавил после минутного молчания: – Вы помните мой рассказ о прошлой истории и как я тогда выкрутился?

– Помню, мистер Картрайт.

– Я никому раньше этого не рассказывал, но тут подумал, что вам надо знать. Знание – сила.

– Иногда знание опасно. Думаю, в ваших интересах держать язык за зубами. Счет за услуги я вам пришлю, а в чаевых в виде конфиденциальной информации я не нуждаюсь.

Но красные поросячьи глаза внимательно смотрели на нее. В чем-то он был дурак, но далеко не во всем.

– Однако вы заинтересовались, – сказал он. – Я так и думал. В конце концов, Костелло тоже из вашей коллегии. Но не волнуйтесь. Я молчал долгие годы. Болтуном меня не назовешь. Если не умеешь держать рот на замке, успешного бизнеса не создашь. А такое ведь не продашь в бульварную газетенку, точно? Да и доказательств не найти. В прошлый раз я хорошо заплатил, и в этот раз готов заплатить не меньше. Я сказал женушке: «У меня будет лучший лондонский криминальный адвокат. Не важно, сколько это будет стоить. Никогда не экономлю на важных вещах. Мы покажем этим подонкам». Городские паразиты – вот кто они. Да им слабо́ даже на осликах покататься. Хотел бы я видеть их на лихом скакуне. О деревне они ни черта не знают. Животных не любят. Их злит, когда люди наслаждаются жизнью. Живут злобой и завистью. – И добавил в восторженном изумлении, словно на него снизошло откровение: – Они равнодушны к лисам и ненавидят людей.

– Я уже слышала этот аргумент, мистер Картрайт.

Похоже, он прижимается к ней. Казалось, она сквозь ткань ощущала отталкивающее тепло его тела.

– Остальным охотникам приговор придется не по душе. Некоторые хотят выжить меня оттуда. Им только на руку, если бы этот защитник животных выиграл дело. Никто из них не рвался в свидетели защиты, разве не так? Ну, если они захотят охотиться на моей земле, пусть привыкают видеть меня в алой куртке[9].

Да он просто стереотипный землевладелец – отличный наездник, выпивоха и любитель женщин, подумала Венис. Кажется, Генри Джеймс сказал: «Никогда не думайте, что вам открыты глубины человеческого сердца». Но он писатель. Его работа – отыскивать сложности, отклонения от нормы и неожиданную утонченность в человеческой природе. Вступив в зрелый возраст, Венис стала замечать, что ее подзащитные – мужчины и женщины, коллеги, с которыми она работала, становились для нее все более предсказуемыми. Теперь поступки людей ее редко удивляли. Как будто инструмент, тональность, мелодия закладывались в первые годы жизни, и какими бы изобретательными и вдохновляющими ни были последующие каденции, основная тема неизменно сохранялась.

И все же у Брайана Картрайта были свои достоинства. Он был успешным производителем запасных частей для сельскохозяйственной техники. Если нет мозгов, тебе никогда не создать бизнес с нуля. Он давал людям работу. Говорили, что он щедрый и великодушный хозяин. Интересно, думала Венис, какие еще скрытые таланты и способности таятся под ладно скроенным твидовым пиджаком? Ему хотя бы хватило здравого смысла явиться на суд скромно одетым, она опасалась, что он может предстать перед присяжными в вызывающем клетчатом пиджаке и бриджах. Может, он страстно любит романсы? Или выращивать

[9] Традиционная куртка охотников на лис и егерей.

орхидеи? А может, архитектуру барокко? Не похоже. И что в нем, черт побери, нашла жена? Может быть, показательно, что она не явилась на суд?

Венис подошла к двери женской гардеробной. Наконец можно будет избавиться от назойливого клиента. Повернувшись, она рискнула еще раз испытать пожатие этой похожей на клещи руки и проводила Картрайта взглядом. Венис надеялась никогда его больше не видеть, но такие же чувства вызывали в ней все оправданные клиенты.

Подошел служитель со словами:

– Снаружи толпятся противники охоты, называя ее «кровавым спортом». Они недовольны приговором. Наверное, разумнее выйти с другой стороны.

– Полиция присутствует?

– Да, видел пару полицейских. Думаю, они не опасны – просто крикуны. Я говорю о собравшихся.

– Спасибо, Барраклу. Я выйду, где обычно.

И вот тогда, идя по коридору к главной лестнице, Венис увидела их обоих – Октавию и Эша. Они стояли подле статуи Карла II и вглядывались туда, откуда она должна была появиться. Даже на расстоянии она поняла: молодые люди не встретились случайно, а пришли вместе, обговорив заранее место и время свидания. От них исходило спокойствие – непривычное в дочери, зато свойственное, как она знала, Эшу. На мгновение Венис замедлила ход, но тут же справилась с собой и твердой походкой устремилась к ним. Оказавшись на близком расстоянии, она заметила, что Октавия сует руку парню, но, увидев, что тот никак не отзывается на жест, тут же ее отдернула, по-прежнему глядя матери в глаза.

На Эше была свежая белая рубашка, синие джинсы и джинсовая куртка. Венис видела, что куртка не из дешевых, – выходит, какие-то деньги ему перепали. На фоне самоуверенного, стильного молодого человека Октавия казалась особенно юной и беззащитной. Длинная хлопковая рубашка, которую она обыкновенно носила поверх футболки, была чище обычного, но все же придавала ей вид викторианской сиротки, только что вышедшей из приюта. На ней была еще твидовая куртка. Огромные кроссовки выглядели слишком тяжелыми для худых ног с узкими лодыжками и только усугубляли наглядную картину несчастного, трогательного ребенка. Худенькое, умное личико, легко принимающее выражение наигранного слабоумия или яростного негодования, сейчас выглядело умиротворенным, почти счастливым; дочь впервые в жизни открыто смотрела на Венис своими темно-карими глазами, так похожими на глаза матери, во всем же остальном они были совершенно разными.

Эш первый заговорил. Протянув руку, он произнес:

– Добрый день, мисс Олдридж. Примите мои поздравления. Мы сидели на галерее. Очень впечатляюще, правда, Октавия?

Венис словно не заметила протянутую руку, понимая, что именно этого он ждал и хотел. Продолжая смотреть на мать, Октавия кивнула:

– Я думала, тебе хватит впечатлений от Олд-Бейли на всю жизнь. Вижу, вы знакомы.

– Мы любим друг друга и хотим обручиться.

В словах, торопливо произнесенных детским голос-ком дочери, Венис явственно расслышала победные нотки.

– Ах, вот как? Советую выбросить эту блажь из головы, – сказала она. – Ты не очень умна, но инстинкт самосохранения все же должен сработать. Эш не годится на роль твоего мужа.

Эш не выразил никакого протеста, но Венис этого и не ждала. Он просто стоял и смотрел на нее, слегка улыбаясь, и в его улыбке была ирония, вызов и толика презрения.

– Это решать Октавии. Она совершеннолетняя, – наконец произнес он.

Не обращая на него внимания, Венис продолжала говорить с дочерью:

– Я возвращаюсь в «Чемберс». Хочу, чтобы ты пошла со мной. Нам надо поговорить.

Венис вдруг подумала: а что, если дочь откажется? Октавия взглянула на Эша. Тот согласно кивнул, спросив:

– Я увижу тебя вечером? Когда мне лучше прийти?

– Приходи, конечно. Когда хочешь. Ну, в половине седьмого. Я приготовлю ужин.

Венис приняла это приглашение за то, чем оно и было, – открытым вызовом. Эш взял руку Октавии и поднес к губам. Венис понимала, что пародийный диалог, как и этот поцелуй, разыграны для нее. Гнев и отвращение охватили ее с такой силой, что она крепко сжала руки, чтобы не влепить парню пощечину. Мимо проходили люди, некоторых барристеров она знала и приветствовала улыбкой. Надо поскорее уходить из Олд-Бейли.

– Ну, что? Пойдем? – сказала Венис и, не глядя на Эша, пошла вперед.

Улица перед зданием Центрального суда была почти пустой. Манифестанты то ли устали и ушли, не дождавшись адвоката, то ли удовлетворились криками в адрес Брайана Картрайта. Все так же молча Венис и дочь пересекли дорогу.

У Венис сложилась привычка, закончив дела в Олд-Бейли, возвращаться в «Чемберс». Пути, однако, она избирала разные. Чаще всего, свернув с Флит-стрит, Венис шла по Бувери-стрит, затем по Темпл-лейн и со стороны Тюдор-стрит входила во Внутренний Темпл. Пройдя мимо Центральной канцелярии Высокого суда, она пересекала Мидл-Темпл-лейн и попадала в Полет-Корт. Сегодня днем Флит-стрит, как обычно, была очень шумной, на тротуарах толпилось так много людей, что ей с Октавией приходилось пробиваться сквозь плотный поток, а о том, чтобы перекричать постоянный гул и шум транспорта, нельзя было и думать. Неподходящая обстановка для серьезного разговора.

Даже на относительно тихой Бувери-стрит Венис не завела разговор. Но оказавшись во Внутреннем Темпле, она сказала, повернувшись к Октавии:

– У меня есть тридцать минут. Пойдем в сад. Расскажи мне об этой истории. Когда ты с ним познакомилась?

– Примерно три недели назад. Семнадцатого сентября.

– Где он тебя подцепил? В какой-нибудь кафешке? В клубе? Не говори мне, что вас официально познакомили на собрании молодых консерваторов.

Как только эти слова слетели у нее с языка, Венис осознала, что совершила ошибку. В ссорах с Октавией ей всегда было трудно удержаться от грубой издевки, дешевого сарказма. С привычной болью в сердце она поняла, что их разговор – если его так можно назвать – сведется к желчной перебранке.

Октавия молчала, и Венис продолжила, стараясь сохранять спокойствие:

– Я спрашиваю, где ты с ним познакомилась?

– У него на нашей улице сломался велик, и он попросил разрешения оставить его на время в нашем подвале. В автобус велосипед не влезал, и на такси денег не хватило.

– И ты, конечно, одолжила ему десять фунтов, а он – вот удивительно! – вернулся на следующий день и вернул долг. А что случилось с велосипедом?

– Эш его выбросил. Не так он ему и нужен. У Эша есть мотоцикл.

– Понятно. Велосипед сослужил свою службу. А поломка рядом с моим домом, конечно, случайность?

Мой дом – не наш. Еще одна ошибка. Октавия снова замолкла. А может, и правда случайность? Всякое бывает. Она сама как криминальный адвокат чуть ли не каждую неделю сталкивается с невероятными совпадениями.

– Да, он вернулся, – угрюмо проговорила Октавия. – А потом приходил, потому что я приглашала его.

– Получается, ты познакомилась с ним меньше месяца назад, ничего о нем не знаешь и говоришь, что собираешься выйти за него замуж. Не настолько же ты глупа, чтобы поверить в его любовь. Даже ты не можешь до такой степени заблуждаться.

У Октавии вырвался крик боли.

– Он любит меня. Если ты не любишь – это не значит, что меня вообще нельзя любить. Эш любит. И я все о нем знаю. Он мне рассказал. Я знаю о нем больше, чем ты.

– Сомневаюсь. Так что он рассказал о своем прошлом, детстве, о том, чем занимался последние семь лет?

– Я знаю, что у него не было отца, а мать в семь лет вышвырнула его из дома, предоставив местным властям заботиться о нем. Ее уже нет в живых. До шестнадцати лет он жил в приюте. Так это называется: приют. На самом деле, по его словам, это был ад.

– Мать отказалась от него, потому что он был неуправляемым. Местным властям она призналась, что боится его. Боится семилетнего ребенка. Это тебе о чем-то говорит? Его жизнь – сплошная цепь неудачных усыновлений и возвращений в приюты, где старались поскорее отделаться от него и найти новых приемных родителей. В этом, конечно, нет его вины.

Октавия опустила голову, ее голос еле слышался:

– Ты, наверное, тоже хотела бы так поступить со мною – отдать в приют. Но не могла – ведь люди стали бы судачить, и потому ты поместила меня в частную школу.

Усилием воли Венис заставила себя казаться спокойной.

– Должно быть, вы неплохо проводили время все эти три недели в подаренной мною квартире, когда ели мою еду, тратили заработанные мною деньги и развлекались, рассказывая страшилки о своем несчастном детстве. А об убийстве он говорил? Ведь его обвинили в том, что он зарезал тетю, и я его защищала? И это случилось всего девять месяцев назад.

– Это не он. Тетя была ужасной женщиной, она приводила в дом мужчин. Один из них ее убил. Когда ее убивали, Эша поблизости не было.

– Что касается защиты, я все знаю. Сама ее вела.

– Он невиновен. И ты это знаешь. Ведь ты заявила об этом на суде.

– Я этого не заявляла. Как я объясняла тебе раньше, но ты, видно, слушала без интереса и вполуха, суду не важно, что думаю я. Моя цель состоит не в передаче собственного мнения, а в том, чтобы проверить на прочность версию обвинения. У присяжных не должно быть и тени сомнения в вине подсудимого. Мне удалось поселить в них обоснованное сомнение. У него появилась надежда на оправдание, и он был оправдан. Ты права, он невиновен – во всяком случае, в этом преступлении. Невиновен – по закону. Однако это не означает, что он подходящий муж для тебя – или для какой-то другой женщины. Его тетка – женщина неприятная, но что-то их связывало. Они почти наверняка были любовниками. Он был один из многих, но ему хотя бы не приходилось платить.

– Это неправда! Неправда! – вскричала Октавия. – Ты не помешаешь нам пожениться. Мне уже восемнадцать.

– Это я понимаю. Но могу и обязана, как мать, указать на возможную опасность. Я знаю этого молодого человека. По долгу службы мне следует выяснить как можно больше о клиенте. Гарри Эш опасен. Он несет зло.

– Так почему ты его вытащила?

– Выходит, ты не поняла ни слова из того, что я говорила. Ладно, вернемся к реальности. Когда ты собираешься выходить замуж?

– Скоро. Может, через неделю. А может, через две или три. Мы еще не решили.

– Вы любовники? Ну конечно, чего тут спрашивать!

– У тебя нет права задавать этот вопрос.

– Прости. Твоя правда. Ведь ты совершеннолетняя. Я не имею права расспрашивать тебя.

– Кстати, мы не спим, – угрюмо заявила Октавия. – Пока не спим. Эш считает, что нужно подождать.

– Как умно с его стороны. И на что он собирается тебя содержать? Как будущая теща я имею право задать этот вопрос.

– Он пойдет работать. У меня тоже есть денежное содержание. Ты его сама определила и не можешь отнять. А еще мы можем продать нашу историю в газеты. Эш считает, это будет интересно.

– Газетам, конечно, будет интересно. Денег больших не заплатят, но кое-что вам перепадет. Могу представить, как это подадут: «Бедный молодой человек ложно обвинен в страшном преступлении. Блестящий защитник. Триумфальное оправдание. Зарождение юной любви». Что ж, можно рассчитывать на пару фунтов. Впрочем, если Эш готов сознаться в убийстве тети, вы вправе рассчитывать и на шестизначную цифру. А почему нет? Второй раз за одно преступление не судят.

Они шли с опущенными головами в сгущавшихся сумерках на некотором расстоянии друг от друга. Венис трясло от переполнявших ее эмоций, и она не могла с ними совладать. Если заплатят, Эш продаст эту историю. Он нисколько не чувствовал себя ей обязанным, да и Венис он не нравился. Эш просто нуждался в ней, возможно, они оба нуждались друг в друге. А после суда, когда они перекинулись несколькими словами, Венис прочла в глазах молодого человека презрение и высокомерие и поняла, что он испытывает к ней не благодарность, а неприязнь. Да, появись у него возможность, он всласть поиздевается над своим защитником. Но почему ей тяжелее переносить мысль о сентиментальной и пошлой статейке, о жалости и изумлении коллег, чем думать о замужестве Октавии? Неужели какой-то частью своего разума – разума, которым так гордится, – она думает больше о репутации, чем о безопасности дочери?

Надо предпринять еще одну попытку. Тем временем они повернули к выходу из сада.

– Есть одна вещь, – помолчав, сказала Венис, – возможно, не самая худшая, но для меня – определяющая. Она объясняет, почему я считаю Эша воплощением зла, хотя редко употребляю это понятие. В пятнадцать лет он находился в детском доме под Ипсуичем. Там постоянно жил один социальный работник, его звали Майкл Коул, и он искренне желал добра Эшу. Проводил с воспитанником много времени, верил, что может помочь, возможно, даже его полюбил. А Эш стал его шантажировать. Пригрозил – если Коли (так он его называл) не будет отдавать ему часть жалованья, он обвинит его в сексуальном домогательстве. Коул отказался, и Эш донес на него. Было официальное расследование. Ничего не подтвердилось, но руководство посчитало нужным перевести Коула на другое место, где бы он не работал с детьми. Это пятно сохранится на нем в течение всей дальнейшей профессиональной жизни – если у него будет профессиональная жизнь. Прежде чем решиться на этот брак, вспомни о Коли. Эш разбивает сердце всем, кто хочет ему помочь.

– Я тебе не верю. Мое сердце он не разобьет. Может быть, я похожа на тебя. Может, у меня его и нет.

Неожиданно Октавия повернулась и побежала по саду к выходу на набережную Виктории. Движения ее были неловкие, как у расстроенного ребенка, тонкие, как палочки, ноги торчали из массивных кроссовок, куртка распахнулась. Глядя ей вслед, Венис почувствовала, как у нее от жалости вперемешку с нежностью перехватило горло. Но это ощущение быстро прошло, сменившись жгучим гневом и чувством несправедливости, тугим болезненным клубком скрутившимся под сердцем. Ведь Октавия никогда не приносила ей ни минуты удовлетворения, не говоря уже о чистой радости. Что пошло не так, думала она. Когда и как это случилось? Даже ребенком девочка уклонялась от ласк матери. Заостренные черты уже в младенчестве взрослого личика гневно багровели и болезненно искажались в плаче, поразительно сильные детские ножки били ее в живот, прогоняя, неподатливое тельце изгибалось аркой. А в школе Октавия словно сознательно подгоняла эмоциональные кризисы к моментам, когда они чрезвычайно усложняли профессиональную жизнь Венис. Дни вруче-

ния аттестатов, школьные постановки, как назло, приходились на дни, когда Венис никак не могла оставить работу, отчего негодование Октавии росло одновременно с ноющим чувством вины у Венис.

Она вспомнила время, когда занималась одним из самых сложных в ее практике дел о мошенничестве; тогда, как только в пятницу закончился суд, ее вызвали во вторую частную школу, куда перешла Октавия и где теперь ставился вопрос о ее исключении. Венис до сих пор помнила каждое слово из разговора с мисс Эгертон, директрисой.

– Нам не удалось сделать ее счастливой.

– Я отправила дочь к вам не для этого. Ваша задача – сделать ее не счастливой, а образованной.

– Одно не исключает другого, мисс Олдридж.

– Конечно, но должны быть приоритеты. Тех, с кем не справились, вы передаете монастырю?

– Здесь нет четкой договоренности, но мы иногда рекомендуем это родителям. Не хочу, чтобы у вас сложилось ложное впечатление. Мы не школа для трудных детей, совсем наоборот. Поощряются высшие баллы на экзаменах. Ученики поступают в университеты. Монастырское образование подходит девочкам, которым нужно более заботливое, менее академическое образование, чем мы можем дать.

– Или хотите.

– У нас школа с серьезными требованиями, мисс Олдридж. Мы развиваем не только разум, но и всю личность. Здесь преуспевают только дети с чрезвычайно сильным интеллектом.

– Увольте меня от прописных истин. Она объяснила вам, почему это сделала?

– Да. Чтобы ее исключили.

– Так и сказала?

– Ну, не совсем в этих выражениях.

– Повторите дословно, мисс Эгертон.

– Ваша дочь сказала: «Я это сделала, чтобы расплеваться с этой чертовой школой».

«Наконец мне честно ответили», – подумала Венис.

– Монастырь находится в ведении англо-католических монахинь, но вам не стоит бояться жесткого религиозного воспитания. Мать-настоятельница с уважением относится к пожеланиям родителей.

– Октавия может преклонить колена при совершении таинств, если это доставит ей удовольствие и принесет пару хороших оценок.

И все-таки этот разговор вселил в Венис надежду. У девочки, которая в таких выражениях говорила с мисс Эгертон, по крайней мере был характер. Возможно, у них с Октавией еще найдется некая точка соприкосновения. Пусть не любовь, но уважение, даже симпатия могут возникнуть. Но стоило Октавии вернуться домой, как ей стало ясно: ничего не изменилось. В глазах дочери был все тот же холодный взгляд, говоривший о непримиримой вражде.

Монастырь оправдал себя в том смысле, что Ок-тавия оставалась в нем до семнадцати лет и получила пристойные оценки за среднюю школу. Однако Венис во время посещения монастыря всегда чувствовала себя не в своей тарелке, особенно встречаясь с настоятельницей. Она не могла забыть их первый разговор.

– Надо смириться с тем, мисс Олдридж, что Октавия как ребенок разведенных родителей всю свою жизнь будет ощущать себя обездоленной.

– В таком же положении находятся тысячи других детей, так что ей лучше принять все как есть.

– В этом мы постараемся ей помочь.

Венис с трудом подавила вспышку раздражения. Какое право имеет эта женщина с пористым лицом и суровыми глазами под очками в металлической оправе выступать в роли прокурора? Потом она поняла, что обидеть ее не хотели, оправданий не ждали и утешения не предлагали. Просто настоятельница жила по правилам, одно из которых гласило, что за все надо платить.

Сейчас, поглощенная мыслями о последних событиях, сердитая на Октавию и себя, Венис, не понимая, как справиться с обрушившейся бедой, не заметила, как дошла до «Чемберс». За столиком администратора сидела Валерия Колдуэл и смотрела с непроницаемым лицом на входящую Венис.

– Не знаете, мистер Костелло у себя? – спросила Венис.

– Думаю, да, мисс Олдридж. После обеда он пришел и, кажется, никуда не отлучался. А еще мистер Лэнгтон просил дать ему знать, когда вы придете.

Значит, Лэнгтон хочет ее видеть. Она может зайти к нему прямо сейчас. Саймон Костелло подождет.

В кабинете Хьюберта находился и Дрисдейл Лод. Неудивительно: эти двое часто работали вместе.

– Дело касается общего собрания в «Чемберс» тридцать первого. Ты придешь, Венис? – спросил Лод.

– Разве я обычно не прихожу? С тех пор как мы собираемся дважды в год, я больше одного собрания не пропускаю.

– Есть кое-что, о чем нам хотелось бы знать ваше мнение, – сказал Лэнгтон.

– Наверное, хотите по возможности избежать на собрании разногласий и потому проводите предварительное лоббирование? Не будьте столь оптимистичны.

– Во-первых, нужно решить, кого нам взять. В коллегии есть два места. Выбор сделать нелегко, – заговорил Лод.

– Разве? Перестань, Дрисдейл. Не говори, что не припас местечко для Руперта Прайс-Маскелла.

– У него прекрасные рекомендации от руководителя, и в «Чемберс» его хорошо знают, – вмешался Лэнгтон. – Подготовка замечательная – Итон, Кингз, и везде окончил с отличием.

– Еще он племянник лорда-судьи, его прадед возглавлял коллегию, а мать дочь графа, – съехидничала Венис.

– Надеюсь, ты не хочешь сказать, что мы… мы… – нахмурился Лэнгтон. Он замолчал, его лицо выражало замешательство. – Не хочешь сказать, что мы действуем под давлением?

– Нет. Просто нелогично и непростительно применять политику дискриминации против итонцев, как и против любой другой группы. Хорошо, когда нужный вам кандидат обладает к тому же и лучшей подготовкой. Но вам не придется уговаривать меня голосовать за Прайс-Маскелла, я и так собиралась это сделать. Через двадцать лет он будет такой же высокопарный, как и его дядя, но, если принимать во внимание степень высокопарности, нельзя избирать никого из представителей вашего пола. Предполагаю, второй кандидат Джонатан Сколлард? Он не столь эффектен, но, возможно, со временем покажет лучшие и более стабильные результаты.

Лод подошел к окну и произнес невыразительным и спокойным голосом:

– Мы думали о Кэтрин Беддингтон.

– Все мужчины в «Чемберс» много думают о Кэтрин Беддингтон, но у нас не конкурс красоты. Сколлард – сильнее как адвокат.

Вот в чем дело. Она поняла это, как только вошла в кабинет Хьюберта.

– Не думаю, что наставник Кэтрин согласится с тобой. Он дал ей прекрасную характеристику. У нее отличные мозги, – вмешался Лэнгтон.

– Еще бы! Будь она дурочкой, ей никогда бы не получить практику в «Чемберс». Кэтрин Беддингтон украсит коллегию адвокатов и будет способствовать ее хорошей работе, и все же она не такой талантливый адвокат, как Джонатан Сколлард. Я ее поручитель, не забывайте. У меня к ней особый интерес, и я видела ее работу. Она не производит такого глубокого впечатления, как считает Саймон. Например, когда на конференции я обсуждала вопросы права в отношении непредумышленного убийства, то рассчитывала, что стажер знает уместность моего обращения к делам Доусона и Эндрюса. Эти дела она должна была знать еще до прихода в «Чемберс».

– Ты запугала девочку, Венис, – весело отозвался Лод. – Мне она кажется вполне сведущим юристом.

– Если она боится меня, что будет, если ей придется предстать перед судьей Картер-Райтом в тот день, когда у него разыграется геморрой.

Сколько еще они будут вилять, пока не решатся заговорить о главном? Как же не любят в «Чемберс» споры, открытые выяснения отношений! И как Хьюберту нужна поддержка Дрисдейла, два архиепископа, как всегда, действуют сообща. Может, так они хотят дать ей понять, что Дрисдейл наследник Хьюберта, а ей надо оставить надежду возглавить коллегию? Но тут они по крайней мере знают, что ее голос будет иметь значение – более того, он может стать решающим.

Мужчины быстро переглянулись, она это заметила, а потом Дрисдейл сказал: «Ну, а как же вопрос равновесия? Мне казалось, мы договорились: если на вакантное место в «Чемберс» претендуют двое – мужчина и женщина, равные по квалификации…»

– Равной квалификации не бывает. Люди не клоны, – оборвала его Венис.

Лод продолжал, словно не заметил ее вмешательства:

– Мы решили, что при прочих равных условиях, в интересах равновесия отдаем предпочтение женщине.

– Когда говорят о полном равенстве кандидатов, это означает, что никто не хочет брать на себя ответственность за выбор.

В голосе Лэнгтона послышалась упрямая нотка:

– Но мы согласились, что в этом случае возьмем женщину. – И, подумав, прибавил: – Или чернокожего, если такой найдется.

Это было уже слишком. До сих пор сдерживаемый гнев Венис выплеснулся наружу:

– Женщина? Чернокожий? Как удобно ставить нас в один ряд. Жаль, что у нас нет чернокожей лесбиянки, которая к тому же была бы матерью-одиночкой с инвалидностью. Тогда мы одним махом убили бы четырех политкорректных зайцев. И большой поклон от меня. Неужели вы думаете, что успешной женщине приятно сознавать, что своей карьерой она обязана добреньким мужчинам, которые незаслуженно пропустили ее вперед? Джонатан Сколлард талантливее Кэтрин, и вы это знаете. И он знает. Неужели Кэтрин Беддингтон выиграет, если Джонатан станет всем рассказывать, что не получил места, потому что его отдали более слабому конкуренту – женщине? Какие уж тут равные возможности!

Лэнгтон бросил взгляд на коллегу и продолжил:

– Не уверен, что репутация нашей коллегии улучшится, если на нас будут смотреть как на группу женоненавистников, не желающих замечать изменения в обществе и профессии.

– Репутация «Чемберс» зиждется на высоком профессионализме ее адвокатов. Нас немного, но здесь нет случайных людей. Напротив, мы собрали лучших лондонских специалистов. Чего вы боитесь? На вас что, давили?

После недолгого молчания Лэнгтон сказал:

– Скажем, были неформальные предостережения.

– Вот как! И могу я спросить, откуда ветер дует? Не женская ли инициативная группа «Редресс»? Впрочем, они осуждают женщин, не помогающих представительницам своего

пола, – банкиров, бизнес-леди, юристов, издателей, топ-консультантов. У них есть список женщин, не оказывающих в полной мере помощь своим сестрам. Неудивительно, что я тоже в нем нахожусь. Думаю, кто-то прислал вам экземпляр их газетенки. В последнем номере как раз упоминали меня. Возможно, даже очернили. Прислушаюсь к совету Генри Мейкинза. Если он найдет там основания для предъявления иска, я подам на них в суд.

– Разумно ли это? – сказал Лод. – Если они не застрахованы, ты ничего не получишь. Стоит ли игра свеч?

– Возможно, не стоит, но такой грязной и порочной прессе, какая у нас есть сегодня, нельзя потакать и давать ощущение вседозволенности. Все мы знаем, что так называемых судейских обычно не трогают. Вспомните медиамагната Роберта Масвелла. Я могу воспользоваться услугами Генри Мейкинза, а «Редресс» нет. Если вас так беспокоит репутация адвокатов, почему не подумать об этом неравенстве? Сколько стоит час твоего времени, Дрисдейл? Четыреста фунтов? Пятьсот? Правосудие фактически недоступно большинству людей. И добиться здесь равноправия гораздо труднее, чем устроить нескольких женщин на работу, для которой у них недостает квалификации…

Венис оборвала речь. Мужчины молчали.

– А в чем заключается вторая проблема? Вы сказали, что их две. Полагаю, речь идет об уходе на пенсию Гарри Нотона?

– В конце этого месяца Гарри исполнится шестьдесят пять, – сказал Лэнгтон. – Контракт у него заканчивается, но ему хотелось бы продлить его еще на три года. Его сын Стивен поступил в Рединг ский университет. Только что приступил к занятиям на первом курсе. Для них это большая радость. Но это означает, что юноша не будет зарабатывать, и это их напрягает. Им удастся справиться с ситуацией, но, если Гарри продержится здесь год-другой, будет легче.

– Еще на три года его вполне хватит. Если здоровый мужчина хочет работать, ему рано выходить на пенсию в шестьдесят пять, – прибавил Лод. – Можно дать ему отсрочку с возможностью ежегодного продления и посмотреть, что из этого выйдет.

– Он вполне компетентный старший клерк, – согласилась Венис. – Добросовестный, методичный, аккуратный, и деньги получает вовремя. У меня нет к нему никаких претензий, но с того времени, как он сменил здесь своего отца, многое изменилось. Он не старается идти в ногу с новыми технологиями. Правда, есть еще младшие клерки, Терри и Скотт. Этому поколению все новое дается легко, поэтому мы здесь не проиграли. Мне нравится Гарри. Нравится его учебный плакат, личный архив и маленькие флажки, отмечающие наши достижения. Но и ему надо вовремя уходить. Как и всем нам. Вы знаете мою точку зрения. Нам в «Чемберс» нужен менеджер. Если мы собираемся расширяться – а мы уже расширяемся, – главный офис и службы нуждаются в модернизации.

– Ему будет тяжело уйти. Он отдал тридцать девять лет нашей коллегии адвокатов, до него здесь работал старшим клерком его отец.

– Господь с тобой, Хьюберт, – вскричала Венис. – Ты ведь его не увольняешь! Он проработал здесь тридцать девять лет и достиг пенсионного возраста. У него будет пенсия, и, конечно, ему еще что-то дадут в виде бонуса. Естественно, ты хочешь, чтобы он остался. Тогда можно будет потянуть с принятием другого трудного решения. Ты хочешь еще на три года забыть о том, в чем действительно нуждается «Чемберс», и ничего не предпринимать. А сейчас, простите, мне нужно работать. Ответы на свои вопросы вы получили. Если мой голос чего-нибудь значит, тогда Джонатан Сколлард получит второе место, а с Гарри контракт не продлят. И пожалуйста, вы оба, включите наконец мозги! Почему не принимать взвешенные решения?

Мужчины молча смотрели, как она идет к двери. «Боже, – подумала Венис, – какой ужасный день! Просто кошмар! А теперь надо еще прищучить Саймона Костелло». Дело,

конечно, терпит, но ей не хотелось его откладывать: нет настроения проявлять милосердие к мужчинам. Но напоследок надо еще кое-что сказать этим архиепископам. Остановившись у двери, она взглянула на Лода.

– И не бойтесь обвинения в женоненавистничестве. После Хьюберта я старший член коллегии и, став главой «Чемберс», поправлю картину.

Глава седьмая

Эш сказал, что будет у нее на Пелхем-плейс в шесть тридцать, и Октавия уже к шести часам была готова и ждала его, беспокойно переходя из небольшой кухоньки к окну слева от гостиной, откуда сквозь цокольные решетки открывался подход к дому. Впервые она сама приготовила для него ужин, впервые он войдет в ее дом. До сих пор он сам звал ее куда-то, а если Октавия приглашала его войти, говорил с таинственным видом: «Еще не время». Она ломала голову, не понимая, чего он ждет. Большей уверенности в правильности выбора, нужного момента для символического вступления в ее жизнь? В себе она не сомневалась. Она любит его. Он ее мужчина, ее человек, ее возлюбленный. У них еще нет близости, но она будет. Всему свое время. Сейчас ей достаточно радостной уверенности в том, что она любима. Октавии хотелось, чтобы об этом знали все. Вот бы поехать с ним в монастырь, похвастаться – пусть эти высокомерные девчонки знают, что и у нее может быть мужчина. Ей хотелось обычных вещей – обручального кольца, подготовки к свадьбе, обустройства общего дома. О нем нужно заботиться, его нужно любить.

Одну грань его власти она не полностью осознавала. Эш был опасен. Она не знала, насколько опасен и чем именно, но одно точно знала: он не из ее круга. И не из тех кругов, которые были ей известны или могли быть известны. Находясь с ним, Октавия испытывала не только восторг и волнение нарастающего желания, но и дрожь близкой опасности, это питало ее бунтарское начало, и она чувствовала, что впервые живет в полную силу. У них был не просто любовный роман, но и братство товарищей по оружию, союз наступательный и оборонительный против домашнего конформизма, против ее матери и того, что было матери дорого. И мотоцикл был частью такого Эша. Обхватив юношу руками, она чувствовала стремительный поток холодного ночного воздуха, видела дорогу, бегущую серебристой лентой под колесами, и ей хотелось кричать от радости и торжества.

Она не встречала никого, похожего на Эша. Он держался с ней безукоризненно, почти строго. При встрече целовал в щеку или подносил ее руку к губам. И никаких других прикосновений, отчего желание разгоралось в ней с такой силой, что его трудно было скрывать. Октавия знала, он не любит, когда к нему прикасаются, но с трудом отрывала руки.

Эш никогда не говорил, куда повезет ее, и Октавию это устраивало. Обычно они приезжали в какой-нибудь загородный ресторан – похоже, он не любил лондонские питейные заведения и редко туда заглядывал. Эш также с презрением относился к шикарным загородным ресторанчикам с аккуратно припаркованными «Порше» и «БМВ», подвешенными цветочными корзинами, залом с пылающим камином, искусно продуманным интерьером в псевдодеревенском стиле, однообразной ресторанной пищей и уверенными, громкими голосами преуспевающих людей. Он предпочитал немодные, тихие места, где коротали время за выпивкой сельские жители, усаживал ее в углу, приносил, что она просила – херес или полпинты светлого пива, а себе брал полпинты обычного. Из еды обычно заказывал сыр или паштет с французской булкой, Октавия болтала, а он слушал. О себе Эш рассказывал мало. Она чувствовала, юноша хочет, чтобы она знала, как досталось ему за эти годы, и в то же время он не выносил жалости. Если она задавала вопрос, он отвечал кратко, иногда односложно. Казалось, он постоянно себя контролирует, как контролировал, когда решал, сколько будет жить у очередных приемных родителей. Октавия приучилась не ступать на опасную почву. Поев, они перед возвращением в Лондон с полчаса гуляли на природе; Эш уверенно шагал впереди, она семенила следом.

Иногда молодые люди выбирались на побережье. Эшу нравился Брайтон. Его мотоцикл с ревом несся по Роттиндинской дороге, откуда открывался прекрасный вид на Ла-Манш; там они останавливались в каком-нибудь придорожном кафе, ели, а затем ехали к

холмам Даунса. Хотя Эш не любил модные заведения, но в еде был привередлив. Решительно откладывал в сторону несвежую булочку, суховатый сыр, прогорклое масло.

– Не ешь эту дрянь, Октавия, – говорил он.

– Не так уж это и плохо, дорогой.

– Не ешь. Лучше купим чипсы по дороге домой.

Вот это ей и нравилось больше всего – сидеть на обочине, смотреть, как мимо проносятся автомобили, вдыхать запах чипсов и теплой, жиронепроницаемой бумаги, испытывать радость от неограниченной свободы и в то же время чувствовать себя защищенной в их обособленном мире. А красный «Кавасаки» был одновременно гарантом и символом свободы.

Но сегодня Октавия сама приготовит ему ужин. Она остановилась на стейке. Все мужчины любят мясо. Мясник выбрал отличную вырезку, и сейчас перед ней на тарелке лежали два больших куска мяса – в последнюю минуту она положит их на решетку. У «Маркса и Спенсера» Октавия купила свежие, уже подготовленные овощи – горошек, морковь и молодой картофель. На десерт будет лимонный торт. Стол был накрыт. Она купила свечи и позаимствовала из гостиной матери два серебряных подсвечника. Октавия внесла их на кухню, где экономка матери, миссис Бакли, чистила картошку, и объявила без всяких предисловий:

– Если мама спросит, где подсвечники, скажи, что я взяла.

И, не дожидаясь ответа, направилась к бару и под неодобрительным взглядом миссис Бакли вынула оттуда первую попавшуюся бутылку бордо. Женщина открыла было рот, чтобы выразить свое недовольство, но передумала и продолжила работу.

«Глупая старая корова, – подумала Октавия, – какое ей дело? Возможно, она подсматривает из-за штор, кто идет. А потом мигом к Венис, чтобы сообщить. Ну и пусть. Теперь это не важно».

Стоя у дверей с подсвечниками в одной руке и бутылкой вина – в другой, она сказала:

– Может, откроете мне дверь. Разве не видно, что у меня заняты руки?

Миссис Бакли молча подошла к двери и открыла. Октавия выскользнула из кухни и услышала, как дверь за ней захлопнулась.

Спустившись в собственную гостиную, она с удовлетворением оглядела стол. Со свечами все выглядит иначе. Октавия не забыла и о цветах – хризантемы бронзового цвета.

Гостиная, которую она никогда не любила, выглядела нарядно и празднично. Может быть, сегодня вечером они займутся любовью.

Эш пришел точно в срок – как всегда, без тени улыбки, и, как только она открыла дверь, сказал:

– Бери все для мотоцикла. Я должен тебе кое-что показать.

– Но, дорогой, я ведь сказала, что приготовлю ужин. Стейки готовы для жарки.

– Это подождет. Съем, когда вернемся. Сам за-жарю.

Спустя несколько минут Октавия вернулась с шлемом в руках и, застегивая молнию на кожаной куртке, спросила:

– А куда мы едем?

– Там увидишь.

– По твоему тону можно подумать, что это важно.

– Действительно важно.

Больше вопросов она не задавала. Через пятнадцать минут они были в Холланд-парке и, повернув, направились к Уэствэю. Еще пять минут – и Эш подкатил к одному из домов. Октавия уже поняла к какому.

Вокруг царила полная разруха, казавшаяся еще более нереальной от падавшего сверху яркого света. По обеим сторонам улицы тянулись дома, огороженные чем-то напоминавшим по виду листы рыжеватого металла. Дома были все одинаковые, каждый состоял из двух

квартир с отдельным боковым входом и крыльцом под навесом. На нижнем этаже – и на более высоких – были трехстворчатые окна, завершали строения треугольные фронтоны; все окна и двери были забиты досками. За выломанными оградами виднелись отдельные сохранившиеся кустарники, у некоторых розовых кустов были оторваны или сломаны ветки.

Эш провел мотоцикл вдоль бокового входа дома номер 397, Октавия следовала за ним.

– Подожди здесь, – сказал Эш.

Ловким движением он подтянулся и перемахнул через калитку. Через мгновение Октавия услышала звук отодвигаемого засова. Пока Эш вводил мотоцикл, она придерживала калитку.

– А кто живет рядом? – спросила девушка.

– Женщина по фамилии Скалли. Она уехала. Этот дом последний их тех, что нужно освободить.

– Он твой?

– Нет.

– Но ты здесь живешь?

– До сих пор жил. Теперь нет.

– Электричество не отключили?

– Пока нет.

Октавия мало чего могла разглядеть в саду. Различила только контуры небольшого сарайчика. Наверное, здесь он хранит свой мотоцикл, подумала она. Неподалеку валялся перевернутый пластиковый стол, темнели неровные контуры сломанных стульев. Росло какое-то дерево, но теперь от него остался только расщепленный ствол, таращившийся острыми сучьями в пылающий сине-малиновый закат. От пыли трудно дышалось, в воздухе пахло строительными отходами, известью и обуглившимся деревом.

Эш вытащил из кармана ключ и открыл заднюю дверь. Протянул руку к выключателю. Кухню неожиданно озарил неестественно яркий свет. Октавия увидела небольшую каменную раковину, дешевенький буфет с наполовину утраченными ручками, стол с замызганной и потрескавшейся пластиковой столешницей, четыре шатких стула. Здесь был уже новый запах – спертый запах плохо убираемого в течение долгого времени помещения, протухшей пищи, немытой посуды. Она видела, что Эш предпринимал попытки навести чистоту. В том, что касалось порядка, он был педантичен. Наверное, это место вызывало в нем отвращение. Чувствовалось, что он прибегал к дезинфицирующим средствам – их специфический запах витал в воздухе. Но избавиться от застарелого смрада не так просто.

Она не знала, что говорить, но Эш, видимо, не ждал от нее слов и сам никак зрелище не комментировал. Потом сказал:

– Пойдем – посмотришь коридор.

Коридор освещался высоко подвешенной голой лампочкой. Когда Эш нажал переключатель, Октавия открыла от изумления рот. Обе стены были обклеены цветными картинками, явно вырезанными из книг и журналов; яркий коллаж из глянцевых изображений слепил вибрирующим, мерцающим светом. Октавия переводила взгляд с одной стены на другую. Поверх прекрасных видов гор, озер, соборов, площадей были наклеены обнаженные женщины с раскинутыми ногами, голой грудью и задом, надутыми губками, а также мужчины с гениталиями, упакованными в сверкающие черные гульфики, – и все это в обрамлении гирлянд из полевых цветов, в окружении симметрично разбитых садов с аллеями и скульптурами, животными и птицами. А еще тут были серьезные, благородные и надменные лица, вырезанные из репродукций величайших мировых картин. Эти лица были размещены так, будто они взирали на беспорядочную чехарду из грубых сексуальных фигур с отвращением или аристократическим пренебрежением. На стенах не осталось ни дюйма свободного пространства. Коридор вел к парадной двери, стеклянную секцию которой забили снаружи дос-

ками. Сама дверь была сверху и снизу закрыта на тяжелые засовы, что вызвало у Октавии мгновенный приступ клаустрофобии.

Справившись с первоначальным изумлением, она сказала:

– Зрелище просто бредовое, но поразительно красивое. Это ты сделал?

– Вместе с тетей. Композиция моя, но идея ее.

Странно, что он все время называл ее «тетей» и – никогда по имени. Что-то в его голосе наводило на мысль о легком пренебрежении, фальши и о тщательно скрываемом более сильном чувстве. И еще – в нем звучало предостережение.

– Мне нравится, – сказала Октавия. – Это талантливо. Действительно талантливо. Можно сделать что-нибудь в таком духе и у нас в квартире. Но на это уйдет много месяцев.

– У меня ушло два месяца и три дня.

– А где ты взял все эти картинки?

– В основном из журналов. Что-то украл.

– Из библиотек?

Октавия вспомнила, что читала о двух мужчинах, драматурге и его любовнике, сделавших то же самое. Они обклеили квартиру гравюрами из украденных в библиотеке книг, и об этом узнали. Интересно, их посадили?

– Нет, слишком рискованно. Я воровал книги из киосков, – ответил Эш.

– И скоро все это уничтожат. Тебе не жалко? Столько работы!

Она представила: огромный шар, раскачиваясь, про-бивает стены, волна песка и пыли вздымается удуш-ливым облаком, картинки ломаются и рушатся, как части пазла.

– Мне все равно, – сказал Эш. – Ничего в этом доме меня не радует. Его пора снести. Посмотри сюда. Это комната тети.

Он открыл дверь справа и протянул руку к выключателю. Комнату залил красный свет. Он шел не из центрального источника, а из трех ламп, стоящих на низких столиках под красными атласными абажурами с рюшками. Все утопало в красном. Казалось, дышишь кровью. Октавия бросила взгляд на руки, ожидая, что и они окрасятся красным. Тяжелые шторы на забитых окнах были из алого бархата. Обои украшали красные розочки. Большую, провисшую тахту у окна и два кресла по разным сторонам газового камина покрывали индийские хлопчатобумажные накидки ярко-красного, алого и золотистого цвета. У стены напротив камина стоял диван, покрытый серым одеялом, – единственное мрачное пятно в этой пестрой феерии. Перед камином на низком столике лежала колода карт и стеклянный шар.

– Тетя гадала, – сказал Эш.

– За деньги?

– За деньги. За секс. И ради развлечения.

– Она занималась любовью в этой комнате?

– Вон на том диване. Это было ее место. Все происходило здесь.

– А где был ты? Что делал? Я о том, где ты был, когда она занималась здесь сексом?

– Тоже здесь. Ей нравилось, когда я при этом присутствовал. Нравилось, чтобы я был рядом. Разве мать тебе не рассказывала? Она знала. На процессе об этом говорилось.

По голосу Эша нельзя было судить о его чувствах. Октавия поежилась. Ей хотелось спросить: «Тебе это нравилось? Почему ты не ушел? Ты любил ее?» Но это слово она не могла произнести. Любить… До сих пор она не понимала, что это значит, но одно знала точно: любовь не имела отношения к этой комнате.

– Это случилось здесь? Здесь ее убили? – спросила она почти шепотом.

– На этом диване.

Октавия в страхе посмотрела на диван и произнесла с некоторым удивлением:

– Но он такой чистый – словно ничего и не было.

– Диван был весь залит кровью, наматрасник унесли вместе с телом. Однако если поднимешь одеяло, увидишь пятна.

– Нет уж, спасибо. – Она старалась, чтобы голос не выдал ее волнение. – Это ты застелил его одеялом?

Эш не ответил, но смотрел на нее – она это чувствовала. Ей хотелось прижаться к нему, обнять, однако это был бы опрометчивый поступок, и не просто опрометчивый – он мог вызвать у него отвращение. От страха, волнения и чего-то еще – возбуждающего и постыдного – дыхание ее участилось. Ей хотелось, чтобы Эш отнес ее на диван и занялся бы с ней любовью. «Мне страшно, – думала Октавия, – зато я испытываю сильные чувства. Я живая».

Юноша все еще смотрел на нее.

– Мне хочется показать тебе еще кое-что. Это наверху, в темной комнате. Хочешь посмотреть?

Октавия вдруг почувствовала необходимость покинуть гостиную. Красный цвет бил в глаза.

– Конечно. Почему нет? – проговорила она небрежно. Но сразу добавила: – Тут был твой дом, ты здесь жил. Мне хочется увидеть все.

Эш стал подниматься по лестнице, Октавия следовала за ним. Ступени покрывал ковер со стертым рисунком, грязь глубоко въелась в его ворс, а местами он был до того изношен, что нога девушки раз попала в прореху, и, чтобы не упасть, ей пришлось вцепиться в перила. Эш не оглянулся. Октавия последовала за ним в глубину дома, в комнату, которая была настолько мала, что годилась разве что для кладовки, хотя, возможно, ей предназначалась роль спальни. К деревянной раме единственного, высоко расположенного окна была прибита полностью закрывающая стекло плотная черная ткань. Ниже располагались три полки. Справа на скамье стоял большой прибор, похожий на громадный микроскоп. Еще на скамье находились три прямоугольных пластиковых лотка с жидкостью. В комнате пахло чем-то сродни смеси аммиака и уксуса.

– Видела такую комнату раньше, – спросил Эш.

– Нет. Это и есть темная комната? А для чего она нужна?

– Ты что, ничего не знаешь о фотографии? У тебя разве нет фотоаппарата? У таких, как ты, обычно есть.

– У других девочек в школе фотоаппараты были. А я не хотела. Чего там снимать?

Октавия терпеть не могла так называемые особые дни – вручение аттестатов, праздник лета, рождественские службы, ежегодные игры. Она представила монастырский сад летом – мать-настоятельница смеется в обществе двух родительниц, бывших выпускниц, чьи дочери теперь учатся в той же школе, а вокруг толпятся и прыгают дети с фотоаппаратами в руках. «Посмотрите сюда, мать-настоятельница! Ну, пожалуйста! Мамочка, ты не смотришь в камеру!» Венис среди них не было. Она никогда не приезжала. Вечно – судебное заседание, собрание в «Чемберс», дела, которые нельзя отменить. Мать даже не приехала на представление «Зимней сказки», где Октавия играла Паулину.

– У нас в школе не было темной комнаты. Пленки проявляли в разных лабораториях, у «Бутса» например. А это все тебе подарила тетя?

– Да. Тетя купила фотоаппарат и все оборудование. Она хотела, чтобы я делал снимки.

– Какие снимки?

– Ее и партнера во время секса. Она любила их рассматривать.

– А где сейчас эти фотографии? – спросила Ок-тавия.

– Забрал стряпчий. Снимки требовались защите. Не знаю, где они сейчас. Снимки доказывали, что у тети были мужчины. Полиция их видела. Мужчин пытались найти, чтобы исключить из числа подозреваемых. Но нашли только одного, и у того было алиби. Не думаю, что других усердно искали. Ведь у них был я. Про-тив меня состряпали дело. Так

зачем тратить время на сбор информации, которая не нужна? Вот так работает наша полиция. Найдут козла отпущения и под него ищут доказательства.

Неожиданно перед глазами Октавии предстала яркая, неприличная и бесстыдно волнующая картина: два голых тела, сплетясь, стонут на диване в красной гос-ти-ной, а Эш, стоя над ними, ищет нужный кадр – крутится вокруг, присаживается на корточки. У нее чуть не вырвалось: «Зачем ты это делал? Как она могла тебя заставить?», но она знала, что эти вопросы задавать нельзя. Октавия видела, как пристально он смотрит на нее внимательным, строгим взглядом.

– Знаешь, что это такое? – спросил Эш, положив руку на прибор.

– Нет, конечно. Говорю тебе, я совсем не разбираюсь в фотографии.

– Это увеличитель. Показать, как он работает?

– Если хочешь.

– Придется некоторое время побыть в темноте.

– Я не возражаю.

Он подошел к двери, выключил свет, затем вернулся к ней и поднял руку. Загорелась красная лампочка, окрасив мерцающим светом его пальцы. Одновременно в увеличителе зажегся маленький, белый огонек. Эш вынул из кармана конверт и вытащил из него маленький кусочек пленки – отдельный негатив.

– Тридцать пять миллиметров. Вставляю кадр в увеличитель, – объяснил он.

На белой доске, пересеченной рейками из черного металла, появилось изображение, которое Октавия не смогла разглядеть. Эш тем временем рассматривал его сквозь то, что напоминало небольшой телескоп.

– Что это? Ничего не могу разглядеть, – сказала Октавия.

– Со временем разглядишь.

Эш выключил свет в увеличителе, и теперь они оказались в полной темноте, если не считать красноватого мерцающего огонька. Эш вынул из коробки на нижней полке лист бумаги и положил его на доску, закрепив черными рейками.

– Ну, теперь скажи, что ты делаешь, – попросила Октавия. – Мне хочется знать.

– Прикидываю, какого размера сделать фото-графию.

Примерно на шесть-семь секунд он включил свет в увеличителе. Затем быстро натянул резиновые перчатки, приподнял рамку и окунул лист в первый лоток, слегка его качнув. Лист заколыхался и задвигался, словно живой. Октавия не могла отвести глаз от этого зрелища.

– А теперь смотри. – Его слова звучали как приказ.

И почти сразу на бумаге проявились черно-белые очертания. Все тот же диван, только теперь с постельным бельем в квадратиках и кружках. На диване лежало тело женщины. На ней не было ничего, кроме прозрачного неглиже, которое, распахнувшись, открыло темные волосы на лобке и белые, тяжелые, желеобразные груди. Спутанные кудри разметались на белой подушке. Рот приоткрыт, язык слегка высунут, словно женщину задушили. Черные глаза открыты, но взгляд мертвый. Ножевые раны в груди и животе зияли, как ротовые отверстия, из которых кровь сочилась, подобно черной слюне. Глубокий разрез проходил по горлу – и отсюда кровь изливалась потоком. Октавии казалось, что кровь и сейчас продолжает литься, а бьющий из раны фонтан стекает по груди на диван, а оттуда на пол. Фотография покачивалась в лотке, и девушка почти верила, что льющаяся кровь может окрасить жидкость в красный цвет.

Октавия прямо слышала ритмическое биение своего сердца. Наверняка он тоже его слышит. Казалось, в этой крохотной комнате работает динамо-машина.

– Кто это снял? – спросила она шепотом.

Эш ответил не сразу – изучал фотографию, словно проверял ее качество. Потом, мягко покачивая лоток, тихо произнес:

– Я снял. Когда вернулся домой и нашел ее.

– Еще до того, как позвонил в полицию?

– Конечно.

– Но зачем?

– Я всегда фотографировал тетю на этом диване. Она это любила.

– А ты не боялся, что полиция может найти пленку?

– Клочок пленки легко спрятать, а у них были нужные фотографии. Другого они не искали – только нож.

– Нашли его?

Эш молчал. Октавия переспросила:

– Так нашли они нож?

– Да, нашли. Его закинули в живую изгородь за четыре дома отсюда. Столовый нож из нашей кухни.

Руками в резиновых перчатках он вынул фотографию из раствора, макнул в жидкость второго лотка и тут же опустил в третий. Затем включил свет, окончательно извлек фотографию из последнего лотка, дал стечь раствору и, не выпуская ее из рук, почти бегом покинул комнату. Октавия последовала за ним в ванную рядом. Там, в ванне, стоял еще один лоток, в него по резиновой трубке из крана медленно стекала холодная вода.

– Приходится пользоваться ванной. В соседнюю комнату вода не проходит.

– А почему на тебе перчатки? Раствор что, ядо-витый?

– Во всяком случае, для рук не полезный.

Они стояли рядом, глядя, как фотография с кошмарным изображением покачивается и переворачивается под очищающей струей. «Эш все подготовил для сегодняшней встречи со мной, – подумала Октавия. – Он должен был это сделать. Хотел, чтобы я увидела. Это была проверка».

Она отвела взгляд от фотографии, пытаясь сосредоточиться на узком, неуютном помещении, на замызганной ванне с грязными, сальными краями, окошке из непрозрачного стекла, коричневом коврике у основания унитаза. «Она была старая, – думала Октавия. – Старая, уродливая, мерзкая. Как только он мог с ней жить?» Девушка вспомнила слова матери: «Его тетя была неприятной женщиной, но что-то их связывало. Почти наверняка они были любовниками. Он был одним из многих, но ему не приходилось платить». «Нет, не может быть», – думала Октавия. Мать просто хотела настроить ее против Эша. Но теперь она уже не сможет ничего сделать. Он открылся, он мне доверяет, мы принадлежим друг другу.

Неожиданно раздались голоса, крики, задняя дверь затрещала, словно кто-то ломился в дом. Не говоря ни слова, Эш бросился бежать вниз. Охваченная паникой, Октавия схватила фотографию и бросила ее в унитаз. Прямо в воде она сложила снимок вдвое и разорвала пополам, потом еще раз, и дернула ручку спуска. В бачке забулькало, из него вытекла тонкая струйка, и все кончилось. С подступившим к горлу рыданием Октавия второй раз дернула ручку. На этот раз вода с шумом хлынула вниз и унесла с собой глянцевое изображение. Задыхаясь от волнения, Октавия побежала вниз по лестнице.

На кухне Эш, прижав к стене юношу, держал у его горла кухонный нож. Глаза юнца со страхом и мольбой метнулись к ней.

– Если ты или твои кореша еще раз заберетесь сюда, я сразу узнаю, – говорил Эш. – И тогда держись. Я знаю одно местечко, где твой труп никогда не найдут. Понял?

Он провел ножом по шее парня. Тот в ужасе кивнул. Эш отпустил его, и юнец, хоть и налетел на дверной косяк, не остановился ни на секунду и скрылся в мгновение ока.

Эш хладнокровно положил нож в ящик.

– Один из местных, – сказал он. – Все они здесь варвары. – И заметив выражение лица Октавии: – Какая ты бледная. Что ты подумала?

– Что это полиция. Я разорвала фотографию и спустила ее в унитаз. Боялась, что увидят. Прости.

Ей вдруг стало страшно: что, если он будет недоволен, разозлится? Но он только пожал плечами и издал короткий, невеселый смешок.

– Да пусть видят. Могу даже продать это фото в воскресную газету, мне ничего не будет. За одно преступление дважды не судят. Ты разве не знаешь?

– Знаю. Просто не подумала. Прости.

Эш подошел к девушке, взял ее голову в свои руки, привлек к себе и поцеловал, не раскрывая губ. Октавия вспомнила другие поцелуи – как они ей были противны: отвратительный привкус еды и пива, слюнявые губы, язык, проникающий чуть ли не в горло. А этот поцелуй был как печать. Она прошла испытание.

Эш вынул что-то из кармана и надел ей на левую руку. Еще не увидев кольца, она почувствовала холодные узы тяжелого кольца из старого золота с кроваво-красным камнем в окружении мелких жемчужин. Молодой человек ждал ее реакции, а она продолжала всматриваться в кольцо, и вдруг ее затрясло и, словно от ледяного воздуха, перехватило дыхание. Вены и мускулы налились страхом, сердце билось, как сумасшедшее. Октавия не сомневалась, что видела кольцо раньше – на мизинце мертвой тетки. Перед глазами всплыла фотография – кровоточащие раны, перерезанное горло.

Она чувствовала, что голос ее дрожит, но все же заставила себя произнести: «Это ведь не ее кольцо? Его не было на ней в момент смерти?»

Никогда его голос не был таким мягким и нежным:

– Разве я мог так поступить? У нее было похожее кольцо, но с другим камнем. А это я купил специально для тебя. Оно старинное. Я подумал, тебе понравится.

– Мне нравится, – сказала Октавия и покрутила кольцо на пальце. – Только оно велико.

– Носи пока на среднем. Потом подгоним.

– Не надо, – запротестовала она. – Не хочу никогда его снимать. И никогда не потеряю. Оно на правильном пальце и показывает, что мы принадлежим друг другу.

– Да, – сказал он. – Принадлежим друг другу. Нам нечего бояться, и теперь можно ехать домой.

Глава восьмая

Уже в первый год переезда в новое жилище на Пем-брук-сквер Саймон Костелло понял, что покупка дома была ошибкой. Лучше не совершать покупку, которая возможна только в результате строжайшей экономии. Но тогда это казалось вполне разумным, не спонтанным решением. Он провел несколько успешных процессов, и новые дела продолжали поступать с обнадеживающей регулярностью. Спустя два месяца после рождения близнецов Лу тоже вернулась в рекламное агентство и даже получила повышение, после чего ее жалованье поднялось до тридцати пяти тысяч. На переезде особенно настаивала Лу, но Саймон почти не спорил, потому что ее доводы в то время казались неотразимыми: квартира была маловата, им требовалось больше пространства, сад, отдельное помещение для няни. Подходящий вариант можно было найти в пригороде или не в столь престижном лондонском районе, как Пембрук-сквер, но честолюбивой Лу нужно было нечто большее, чем просто дополнительная площадь. Морнингтон-Мэншнз – неприемлемое место жительства для преуспевающего молодого адвоката и успешной деловой женщины. Когда Лу называла этот адрес, то всегда чувствовала, что тем самым слегка принижает свой социальный и экономический статус.

Саймон знал, что жена живо представляет себе, как переезд изменит их жизнь. Они станут устраивать обеды – пусть приготовленные специальными компаниями или составленные из готовых продуктов фирмы «Маркс энд Спенсер» – зато утонченные, тщательно продуманные, с гостями, способными поддержать живую и увлекательную беседу, – своего рода кулинарную демонстрацию супружеской гармонии и профессионального успеха. Но ничего такого не получилось. Оба к концу дня так уставали, что довольствовались быстро приготовленной едой, поедаемой прямо на кухне или с подноса перед телевизором. Кроме того, никто из них не представлял, сколько заботы потребуется близнецам после того, как они превратятся из спеленатых молочных куколок, послушно лежащих в колыбельках, в шумных полуторагодовалых карапузов, чьи потребности в еде, уходе, смене подгузников и развлечениях, казалось, не имели границ.

Большое место в жизни супругов занимала непрерывная смена нянь разной степени квалификации. Иногда Саймону казалось, что его и жену больше заботит довольство и комфорт этих помощниц, чем собственное удобство. У большинства друзей детей не было, и их рассказы о трудностях, связанных с поисками надежной няни, объяснялись скорее подсознательной завистью к беременной Лу, чем собственным опытом. Однако в своих прогнозах они оказались правы. Иногда казалось, что няни не только не снимают с них ответственность, а, напротив, усиливают ее: приходилось думать еще и о том, чем их накормить и как умилос-тивить.

Если девушка приходилась ко двору, они постоянно беспокоились, что она уйдет. В конце концов так и случалось: Лу была чрезмерно требовательной хозяйкой. А если от няни надо было избавиться, они спорили, кому объявить ей об увольнении, и страдали из-за сложностей с поиском замены. Лежа в постели, супруги без устали обсуждали недостатки и слабости очередной няни, делая это шепотом в темноте из-за страха, что их критику услышат двумя этажами выше, где девушка спала в смежной с детской комнате. Что, если она пьет? Не помечать же уровень спиртного в бутылках. А вдруг днем приводит любовников? Не проверять ведь простыни. Не оставляет ли детей одних? Может, стоит одному из них для проверки заезжать иногда днем домой? Но кому? Саймон говорил, что не может покинуть здание суда. Лу тоже не смела отлучаться: за прибавку к жалованью приходилось расплачиваться повышением ответственности и увеличением трудового дня. Нового начальника она не любила. Он с радостью скажет, что в работе сложно положиться на замужнюю женщину с детьми.

По решению Лу ради экономии одному из них следовало ездить на общественном транспорте. Фирма Лу располагалась в районе доков, так что экономить приходилось Саймону. Начинающаяся с чувства зависти к жене и раздражения поездка в переполненном вагоне метро превращалась в потерянные тридцать минут времени, проведенные в самоедстве и недовольстве собой. Он вспоминал дедушкин дом в Хэмпстеде, где жил в детстве, всегда стоящий на столе графин с хересом, доносившиеся с кухни ароматы и требование бабушки, чтобы кормильца семьи, уставшего после проведенного в суде дня, ждал дома покой, хороший уход и избав-ление от всех домашних забот. Она была настоящей женой адвоката, неутомимая в добрых делах, всегда являвшаяся элегантным украшением торжественных мероприятий в «Чемберс», вполне удовлетворенная выпавшей на ее долю жизнью. Да, тот мир канул в прошлое. Перед свадьбой Лу дала ему понять, что для нее карьера не менее важна, чем для него. Этого можно было не говорить: в конце концов, они современные люди. Ее работа важна для них обоих. Содержание дома, няня, сам уровень жизни зависел от жалованья обоих. И вот теперь все, чего они с таким трудом достигли, могла разрушить настырная, самоуверенная стерва.

Венис, должно быть, пришла в «Чемберс» прямо из Олд-Бейли, и вид у нее был угрожающий. Что-то или кто-то ее расстроил. «Расстроил» – это еще слабо сказано, учитывая то выражение яростного отвращения, какое было у нее на лице при их встрече. Кто-то довел ее до ручки. Саймон проклинал себя. Если бы он покинул кабинет минутой раньше, если бы не был в комнате, встреча не состоялась, а у Венис впереди была бы ночь, за время которой ей предстояло решить, что следует делать. Возможно, ничего. Утро вечера мудренее. Саймон помнил каждое слово из ее гневных обвинений.

– Сегодня я защищала Брайана Картрайта. Его оправдали. Он сказал, что четыре года назад вы были его защитником и, зная, что трое присяжных подкуплены, ничего не сделали. Вы просто продолжили вести дело. Это правда?

– Он лжет. Это неправда.

– И еще он сказал, что передал несколько акций своей компании вашей невесте. Тоже перед судом. А это правда или нет?

– Говорю вам, он лжет. Ни слова правды.

Саймон инстинктивно отверг обвинение – так безотчетно поднимается рука, чтобы отвести удар, и интонация, с какой были произнесены эти слова, даже ему самому показалась неубедительной. Побелевшее вначале от страха лицо залилось густой краской, вызвав в памяти Саймона постыдные воспоминания, связанные с воспитателем в пансионе и предчувствием неизбежной порки. Он заставил себя посмотреть Венис в глаза и увидел в них презрительное недоверие. Если бы только он догадывался о ее возможном приходе. Тогда он сказал бы: «Картрайт действительно говорил такое после суда, но я ему не поверил. Да и сейчас не верю. Он что угодно скажет, чтобы казаться значительнее».

Но он солгал – категорично и рискованно, и Венис об этом знала. Но даже если знала, откуда такая злоба, такое отвращение? Какое ей дело до его давнего проступка? Кто уполномочил Венис Олдридж считать себя совестью «Чемберс»? Или его совестью, если на то пошло? Она сама что, такая уж белая и пушистая? Разве у нее есть право разрушать его карьеру? А это будет концом. Саймон не знал, что Венис собирается делать, как далеко она пойдет, но даже одного слуха достаточно – и тогда ему никогда не видать шелковой мантии[10].

Дома Саймона встретил оглушительный рев. Незна-комая девушка спускалась по лестнице, неловко дер-жа на руках Дейзи. Ее опасная некомпетентность сразу бросалась в глаза; чего стоили торчащие «ежиком» волосы, грязные джинсы, гвоздики в ушах, сандалии на

[10] Получить шелковую мантию и звание королевского адвоката – заветная мечта каждого юриста.

высоких каблуках – она с трудом удерживалась в них на не покрытой ковром лестнице. Саймон бросился вперед и почти выхватил плачущую Дейзи из ее рук.

– Кто вы такая, черт побери? Где Эстелла?

– Ее парень разбился на мотоцикле. Она поехала к нему в больницу. Он в тяжелом состоянии. Я посижу с малышами до прихода миссис Костелло.

Знакомый запах подтвердил причину детского плача – надо просто сменить памперс. Держа дочь на расстоянии вытянутой руки, Саймон понес ее в детскую. Эми, все еще в дневном комбинезоне, стояла в кроватке, держась за прутья, и ныла.

– Они накормлены? – Это звучало так, словно он говорил о домашних животных.

– Я дала им молоко. Эстелла сказала: жди миссис Костелло.

Он поставил Дейзи в кроватку – рев усилился. Больше похоже на злость, чем на сигнал бедствия, подумал он. Сквозь щелочки глаз малышка враждебно смотрела на него. Эми, не желая отставать от сест-ры, начала ей жалобно вторить, а потом в голос зарыдала.

Саймон испытал облегчение, услышав хлопанье двери и шаги Лу на лестнице.

– Смени меня, ради всего святого, – сказал он, устремившись навстречу. – Эстелла у попавшего в аварию бойфренда, а вместо себя оставила какое-то чучело. Мне надо выпить.

Бар находился в гостиной. Бросив пиджак на стул, Саймон налил себе изрядную порцию виски. Но шум продолжал доноситься: сердитый голос Лу становился все резче, дети плакали, слышались шаги на лестнице и голоса в холле.

Дверь в гостиную открылась.

– Нужно с ней расплатиться. Она хочет двадцать фунтов. У тебя есть без сдачи?

Саймон вытащил две десятки и молча передал жене. Входная дверь окончательно захлопнулась, и минут через десять воцарилась благословенная тишина. Однако Лу появилась только через сорок минут.

– Наконец успокоила детей. От тебя особой пользы нет. Мог бы хоть памперсы сменить.

– Времени не хватило. Как раз собирался этим заняться, но тут пришла ты. Что там с Эстеллой?

– Кто ее знает. Никогда не слышала об этом бойфренде. Но, думаю, она скоро появится. Возможно, к ужину. Ну все – это последняя капля. Придется с ней расстаться. Ну и денек! Налей мне выпить, пожалуйста. Нет, не виски. Джин с тоником.

Саймон передал стакан жене, которая сидела, привалившись к подушкам, в углу дивана. Она еще не сняла одежду, которую он терпеть не мог и про себя называл «рабочей»: черная юбка с разрезом посредине, стильный жакет, блузка из переливающегося шелка, туфли-лодочки. Такая Лу казалась Саймону чужой, принадлежащей миру для нее важному, а ему враждебному. О только что закончившейся стычке говорили только увлажнившаяся кожа и еще не до конца сошедший румянец. Странно, думал он, как быстро привыкаешь к красоте. Раньше он был уверен, что готов заплатить любую цену, только бы обладать ею, знать, что она принадлежит исключительно ему, жить с ней, находить в ней утешение, возвышать дух, даже обретать благодать. Но красотой нельзя обладать, как нельзя обладать другим человеком.

Лу быстро осушила стакан и поднялась с дивана со словами:

– Пойду переоденусь. Поужинаем спагетти по-болонски – не хочу объясняться с Эстеллой на голодный желудок.

– Подожди минутку. Мне надо тебе кое-что сказать, – остановил жену Саймон.

Время не подходящее, а когда оно будет лучше? Надо скорее с этим покончить. И он изложил ей голые факты.

– Я уже собрался уходить, когда ко мне в кабинет вошла Венис Олдридж. Она защищала Брайана Картрайта. Он рассказал ей, что я знал о подкупе троих присяжных, когда

рассматривалось его дело об оскорблении действием в 1992 году. И еще проболтался, что подарил тебе перед самым судом акции своей сельскохозяйственной компании. Не думаю, что она оставит это без внимания.

– Что ты имеешь в виду, говоря, что она не оставит это без внимания?

– В худшем случае доложит в Адвокатский совет моего инна[11].

– Нет, она не может. Дело закрыто. И оно не имеет к ней отношения.

– Похоже, она так не думает.

– Надеюсь, ты все отрицал? – В голосе жены послышались жесткие нотки. – Так ты отрицал?

– Ну конечно.

– Тогда все в порядке. Она ничего не сможет доказать. Твое слово против слова Картрайта.

– Все не так просто. Думаю, возможно доказать дарение акций. Да и Картрайт под нажимом может назвать имена присяжных.

– Разве это в его интересах? И какого черта он вообще ей все рассказал?

– Кто его знает? Может, бонус за хорошую защиту. Или из тщеславия. Хотел похвастаться, что в прошлый раз выкрутился сам, без помощи адвоката. Почему люди так поступают? Разве это важно. Рассказал – и все.

– И что из того? Даже если назовет имена, все равно его и их слово будет против твоего. А что до акций, тут вообще нет криминала. Ты знаешь, как это было. Я пришла к тебе в «Чемберс», как раз когда он уходил. Мы поболтали, прониклись симпатией друг к другу. Ты остался работать, а мы поехали на одном такси. Мне он понравился. Поговорили немного о вложении денег. А неделю спустя он написал мне и подарил акции. К тебе это не имело никакого отношения. Мы даже женаты еще не были.

– Через неделю уже были.

– Но акции он подарил мне. Лично мне. Нет ничего противозаконного в том, что приятель дарит мне несколько акций. Ты здесь ни при чем. Если бы мы не были помолвлены, он все равно подарил бы их.

– Ты уверена?

– Во всяком случае, я могу заявить, что об акциях ты не знал. Я тебе якобы ничего не сказала. Ну а ты можешь настаивать, что не поверил Картрайту. Решил, что у него такое извращенное чувство юмора. Никто не сможет ничего доказать. Закон стоит на доказательствах. А их нет. Венис Олдридж сама это поймет. Она ведь хороший юрист, правда? Бросит она это дело. А сейчас мне надо еще выпить.

Лу ничего не понимала в юриспруденции. Быть женой барристера престижно, ей это нравилось, и в начале супружеской жизни она иногда ходила на его суды, но потом ей наскучило.

– Все не так просто, – повторил Саймон. – Доказательства ей не нужны – во всяком случае, те, какие требуются в суде. Если пойдут слухи, шелковой мантии мне не видать.

До жены наконец дошло. Она резко повернулась к нему, держа в руке бутылку джина. В ее голосе звучало недоверие:

– Ты хочешь сказать, что Венис Олдридж может помешать тебе стать королевским адвокатом?

– Да, если захочет.

– Тогда ты должен ее остановить.

Саймон молчал.

---

[11] Четыре юридические корпорации в Лондоне, готовящие барристеров.

– Кто-то должен ее остановить, – продолжала Лу. – Я поговорю с дядей Дезмондом. Он поставит ее на место. Ты всегда говорил, что он самый влиятельный адвокат в «Чемберс».

В голосе мужа зазвенел металл:

– Нет, Лу, нет. Ты не скажешь ему ни слова. Неужели ты не понимаешь? Здесь ты у Дезмонда Ульрика не найдешь сочувствия.

– Ты, может, и не найдешь, а я найду.

– Знаю, ты уверена, что Дезмонд все для тебя сделает. Он без ума от тебя. Ты занимала у него деньги.

– Мы занимали деньги. Если бы не он, дома бы нам не видать. Беспроцентная ссуда. Акции Картрайта и деньги дядюшки Дезмонда – вот из чего сложился задаток, не забывай.

– Черта с два тут забудешь. Придется отдавать.

– Отдавать не придется. Он сказал, что дает в долг, чтобы пощадить твою гордость.

Однако не пощадил. Тогда Саймон в очередной раз испытал острое чувство беспокойства и мучительный приступ пусть иррациональной, но постоянной ревности. Ульрик без ума от Лу, и это он может понять, как никто. Но как отвратительно, что она использует чувство родственника и еще хвастается.

– Не смей ничего говорить, – повторил он. – Лу, слышишь, я запрещаю. Хуже всего проговориться кому-нибудь – особенно в «Чемберс». Единственная надежда – чтобы не пошли слухи. Картрайт будет молчать, как делал последние четыре года. Это в его интересах. А с Венис я поговорю.

– И как можно скорее. Ты не можешь и впредь рассчитывать на мое жалованье.

– Я не рассчитываю на него – это мы рассчитываем. Не забудь, ты сама настояла на продолжении ра-боты.

– Сейчас все изменилось. Карл Эдгар меня достал. Он становится невыносим. Я ищу другую работу.

– Лучше тебе пока не дергаться. Сейчас не время уходить.

– Боюсь, твой совет запоздал. Сегодня днем я уволилась.

Они испуганно посмотрели друг на друга.

– Ты должен решить этот вопрос с Венис Олдридж. И как можно скорее, – сказала Лу.

Глава девятая

В доме Марка Ролстоуна в районе Пимлико звонок раздался как раз в тот момент, когда девятичасовой блок новостей Би-би-си подошел к концу. В парламенте в тот день ничего важного не происходило, Марк остался дома поработать над своим выступлением на следующей неделе и сейчас обедал дома один. Люси была у своей матери в Вейбридже и собиралась остаться там на ночь. В конце концов, матери и дочери есть о чем потолковать – особенно теперь. Как обычно, жена оставила готовый обед – запеченную утку, которую надо было всего лишь разогреть, простой салат без заправки, фрукты и сыр. Марк рассчитывал на один звонок, и это как раз мог быть он. Кеннет Мэплз обедал в парламенте, но сказал, что, возможно, заскочит позже – выпить кофе и поболтать. Тогда позвонит и подтвердит встречу. Кен состоял в «теневом кабинете»: разговор мог оказаться важным. Все, что происходит перед выборами, достойно внимания. И этот звонок мог быть от Кена.

Но, испытав разочарование и раздражение, он услышал в трубке голос Венис:

– Рада, что застала тебя. Звонила в парламент. Надо срочно увидеться. Можешь подъехать на полчасика?

– А дело не ждет? Мне должны позвонить.

– Не ждет. Иначе не звонила бы. Оставь сообщение на автоответчике. Я тебя долго не задержу.

На смену первой вспышки раздражения пришло смирение.

– Хорошо, – неохотно согласился Марк. – Я возьму такси.

Положив трубку, он задумался. Странно, что Венис позвонила ему домой. Он не помнил, когда это было последний раз. Венис не меньше, чем он, старалась не смешивать их роман с остальной частью жизни и держала отношения в строгой тайне – не из-за того, что ей было так же много терять, как ему, а просто из брезгливого нежелания сделать личную жизнь достоянием сплетников из «Чемберс». Удачно было то, что он входил в инн Линкольна, а не Мидл-Темпл; кроме того, жизнь члена парламента с ненормированным рабочим днем и постоянными поездками по Центральному избирательному округу предоставляла отличную возможность для тайных свиданий, а иногда даже и целых ночей, проведенных в Пелхем-плейс. Но в последние полгода свидания стали реже, а инициатором встреч все чаще становилась Венис. Их связь стала обретать обыденность семейной жизни – без надежности и комфорта последней. Ушло не только эмоциональное возбуждение. Теперь он с трудом вспоминал первые жаркие недели, когда их роман только начинался, и ту пьянящую смесь сексуального притяжения и восхитительного чувства гордости от того, что красивая и успешная женщина сочла его желанным. Интересно, продолжает ли считать таким теперь? Может, у обоих все перешло в привычку. Все, даже незаконная связь, имеет свой конец. Во всяком случае, этот роман в отличие от его ранних рискованных похождений имеет шанс закончиться без скандала.

Еще до того, как Люси сказала ему о беременности, Марк собирался расстаться с Венис. Дело принимало опасный оборот, словцо «бабник» становилось модным. Английская публика и особенно пресса с ее поистине генным лицемерием решила, что дозволенная журналистам сексуальная свобода неприемлема для политика. Адюльтер, всегда не популярный, становился почти невозможным при такой высокой планке сексуальной добродетели. А Марк не сомневался, что в случае отсутствия какой-нибудь исключительной сенсации его любовная история окажется на первой странице: молодой, идущий вверх по карьерной лестнице член парламента, претендующий на место заместителя министра; его жена, благочестивая католичка; и любовница, одна из лучших криминальных адвокатов страны. Он не хотел принимать участие в унизительном действии и играть роль в комическом дуэте с обяза-

тельными фотографиями раскаявшегося мужа и верной женушки, с достойным видом стоящей подле преступного супруга. Нет, он не допустит, чтобы Люси прошла через такое. Венис его поймет. Она не ревнивая, мстительная, сосредоточенная на себе эксгибиционистка. Преимущество выбора в любовницы интеллигентной, независимой женщины в уверенности, что ваш роман закончится достойно.

Люси дождалась, когда сомнений в беременности не осталось, и только тогда сказала мужу. Умение ждать, знать, как должно поступить, досконально продумать, что именно она скажет, – как это типично для его жены! Марк заключил ее в объятия, испытав прилив почти забытой страсти, нежного любовного чувства. Отсутствие детей было для Люси большим горем, да и у него вызывало сожаление. Но в тот момент он вдруг с удивлением понял, что хотел ребенка не меньше, чем жена, просто не признавался себе в этом: чувство поражения было невыносимо, и он подавлял всякую надежду, полагая, что она бессмысленна. Высвобождаясь из его объятий, Люси вдруг предъявила ультиматум:

– Марк, новые обстоятельства внесут изменения в наш брак.

– Дорогая, но ребенок всегда вносит изменения. У нас будет семья. Боже, это замечательно! Какие чудесные новости! Не понимаю, как ты могла скрывать это целых четыре месяца.

Еще не договорив, Марк понял, что совершил ошибку. Будь они близки, ей не удалось бы скрыть перемены. Но жена словно не обратила внимания.

– Я имела в виду изменения в наших отношениях. С кем бы ты ни встречался – я не хочу знать ее имя и вообще не хочу ничего об этом знать, – теперь этим встречам надо положить конец. Тебе это ясно?

– Все и так кончено, – сказал он. – Это было несерьезно. Я никогда никого не любил, кроме тебя.

В тот момент Марк верил тому, что говорил. Да и сейчас верил: в меру его способности любить, только она владела его сердцем.

У их договора было дополнительное условие, и оба о нем знали. Ужин в пятницу был его частью. Люси сделает то, что от нее ждут, и сделает хорошо. Жена не интересовалась политикой. Ее тонкой натуре был чужд мир, в котором существовал муж, с интригами, тактикой выживания, группировками и соперничеством, чудовищными амбициями. Но ей были по-настоящему интересны люди – не важно, к какому классу они принадлежали и какое положение занимали, и люди всегда откликались на ее дружелюбный, внимательный взгляд, чувствуя себя уютно и спокойно в ее гостиной. Марк говорил себе, что его окружению нужна Люси, ему самому нужна Люси.

Когда такси свернуло на Пелхем-плейс, он заметил, что от дома Венис отъехал молодой человек на мотоцикле. Наверное, один из друзей Октавии. Марк забыл, что она теперь живет на нижнем этаже. Еще одна причина, чтобы прекратить отношения. Когда она училась в школе, они по крайней мере были уверены, что никто не нарушит их уединение. Неприятный ребенок эта Октавия. Он не хотел, чтобы она хотя бы косвенно присутствовала в его жизни.

Марк позвонил в дверь. Даже в разгар их любовной связи Венис не давала ему ключ. Не без раздражения он подумал, что она всегда умела сохранять независимость. Его допускали в постель, но не в саму жизнь.

Дверь открыла Венис, а не экономка миссис Бакли, и сразу проводила его наверх в гостиную. На низком столике перед камином уже стоял графин с виски. Марк подумал (как и прежде, но сейчас более убежденно), что ему никогда не нравилась гостиная Венис, да и весь ее дом. В нем отсутствовали уют, стиль, теплота. Как будто хозяйка решила, что особняк в георгианском стиле должен быть соответствующим образом меблирован, и посетила ряд аукционов, чтобы купить минимум подходящих вещей. Марк подозревал, что в гостиной нет предметов из ее прошлого и ничего, купленного просто потому, что понравилось: здесь

стояли вещи случайные, вроде мягкой, но не слишком удобной кушетки, которая, впрочем, хорошо смотрелась, или туалетного столика, на котором стояли серебряные вещички, купленные Венис как-то днем в антикварном магазине «Серебряный мир». О вкусе хозяйки говорила только картина Ванессы Белл над камином: Венис любила живопись двадцатого века. Цветов нигде не было. У миссис Бакли были другие обязанности, а у самой Венис не хватало времени, чтобы заниматься покупкой и расстановкой цветов.

Позже Марк понял, что он с самого начала задал неверный тон, забыв, что Венис хотела с ним о чем-то посоветоваться.

– Прости, что ненадолго, но я договорился встретиться с Кеннетом Мэплзом, – сказал он. – Я сам хотел повидаться с тобой. Последние недели просто сумасшедшие. Но я должен кое-что тебе сказать. Не думаю, что нам стоит впредь видеться. Слишком опасно и сложно для нас обоих. У меня сложилось впечатление, что и ты так думаешь.

Венис не пила виски, и на серебряном подносе стояла еще бутылка красного вина. Она наполнила бокал. Рука ее не дрожала, но во взгляде темно-карих глаз было такое нескрываемое презрение, что Марк инстинктивно отшатнулся. Он никогда не видел Венис такой. Что с ней? Она чуть не потеряла контроль над собой.

– Так вот почему ты снизошел до того, что явился сюда, несмотря на риск пропустить свидание с Кеннетом Мэплзом. Значит, хочешь, чтобы мы расстались, – сказала она.

– Мне казалось, это общее желание, – уточнил Марк. – Последнее время мы почти не видимся.

К своему ужасу, он услышал в своем голосе унизительно-умоляющую интонацию и продолжил с отчаянным вызовом:

– Послушай, у нас был роман. Я ничего не обещал, никто из нас не давал никаких обещаний. Мы никогда не изображали сумасшедших влюбленных. В условиях наших отношений это не значилось.

– А на каких условиях, хотелось бы знать, развивались наши отношения? Скажи, мне интересно.

– Думаю, на одних и тех же для обоих – сексуальном влечении, взаимном уважении, привязанности. И конечно, на привычке.

– Удобная привычка. Доступная в любое время сексуальная партнерша, которой доверяешь, – ведь ей тоже есть что терять, да и платить не надо. К такому вы, мужчины, особенно политики, легко привыкаете.

– Слова, недостойные тебя. К тому же несправедливые. Я надеялся, что делаю тебя счастливой.

От прозвучавшей в ее голосе резкости у Марка кровь в жилах похолодела.

– Счастливой? Ты правда так думаешь, Марк? Неужели ты так самонадеян? Меня не так легко сделать счастливой. Для этого нужно больше, чем внушительный член и посредственное сексуальное мастерство. Ты не делал меня счастливой и не сделал. Просто время от времени – когда тебе было удобно, когда ты не был нужен жене, чтобы развлекать гостей, или выдавался свободный вечер, – доставлял мне сексуальное удовольствие. Да я и сама без особого труда могла бы это сделать. Так что не думай, будто делал меня счастливой.

Пытаясь обрести равновесие в том, что казалось трясиной абсурда, он произнес:

– Прости, если я вел себя с тобой не так, как надо. Я не хотел причинить тебе боль. Меньше всего хотел этого.

– Ты не понимаешь, Марк. Просто не слышишь. Ты не можешь причинить мне боль, потому что не значишь для меня так много. Ни один мужчина не значит.

– Тогда какие претензии? У нас был роман. Мы оба этого хотели. Нас все устраивало. Теперь роман закончился. Если я ничего для тебя не значил, то чем ты недовольна?

– Меня удивляет та странная манера, с какой ты, по твоему мнению, имеешь право обращаться с женщинами. Ты обманывал жену, потому что хотел разнообразия, секса, пикантно сдобренного опасностью, и я подходила лучше всех, так как умею держать язык за зубами. Сейчас тебе потребовалась Люси. Неожиданно она вышла на первое место. Ты хочешь обрести респектабельность, верную, любящую жену, политический вес. И Люси обещает простить измену, поддерживать тебя на выборах, стать идеальной женой члена парламента, но ставит условие: наш роман должен прекратиться. «Я никогда не увижу ее снова. Эта интрижка ничего не значила для меня. Я всегда любил только тебя». Разве не так волокиты мирятся с маленькими женушками?

Вдруг Марка охватил спасительный гнев:

– Не трогай Люси. Ей не нужны ни твое внимание, ни снисходительное сочувствие. Поздновато выдавать себя за защитницу всех женщин. О Люси я сам позабочусь. Тебе нет дела до нашего брака. К тому же все было не так. Твое имя не называлось. Люси ничего о нас не знает.

– Ты так думаешь? Пора повзрослеть, Марк. Возможно, она не уверена, что это была именно я, но о существовании другой женщины знает, жены всегда знают. Если Люси молчала, значит, это было в ее интересах. Ты ведь не собирался разрушать семью, правда? Всего лишь развлекся на стороне. У мужчин такое случается.

– Люси беременна.

Марк не знал, зачем он это сказал, но слова уже вырвались.

Воцарилось молчание.

– Мне казалось, Люси не может иметь детей, – холодно произнесла Люси.

– Так мы думали. Ведь наш брак длится уже восемь лет. Можно утратить надежду. Люси не хотела делать многочисленные тесты на бесплодие, проходить лечение, она сочла, что это будет унизительно для меня. К счастью, ничего не понадобилось. Ребенок ожидается к 20 февраля.

– Как удачно. Полагаю, помогла молитва и свечи. Или это непорочное зачатие?

Венис помолчала, приподняла, как бы предлагая, бутылку виски. Марк покачал головой, отказываясь. Тогда она налила себе вина и как бы между прочим спросила:

– А она знает об аборте? Во время идиллии примирения ты не забыл упомянуть, что год назад я сделала от тебя аборт?

– Нет, она не знает.

– Конечно, не знает. Этот грех ты не посмел открыть. Маленькое сексуальное приключение на стороне простительно, но вот убийство не рожденного ребенка? Здесь она не была бы так снисходительна. Благочестивая католичка, известная сторонница движения «в защиту жизни», а теперь еще и сама беременная. Такая интересная информация могла бы серьезно омрачить оставшиеся до февраля месяцы, не так ли? Не будет ли она всегда чувствовать рядом с вашим сыном или дочерью укоризненное присутствие молчаливого призрака? Видеть тень убитого малыша всякий раз, когда ты будешь обнимать вашего ребенка?

– Не делай этого, Венис. Имей гордость. Ты говоришь, как дешевая шантажистка.

– Не дешевая, Марк, не дешевая. Шантаж – дорогая вещь. Ты криминальный адвокат и должен это знать.

И тут он взмолился о пощаде, ненавидя за это ее и себя:

– Она ничего тебе не сделала. Не поступай с ней так.

– Может, и не поступлю, но ведь ты этого наверняка не знаешь?

Здесь ему надо было остановиться. Позже он проклинал себя за глупость. Не только в перекрестном допросе надо знать, когда остановиться. Следовало умерить гордыню, еще раз попросить ее о молчании и уехать. Но Марка возмутила такая несправедливость. Она говорила так, будто он один во всем виноват, и это он толкнул ее на аборт.

– Это ты вбила себе в голову, что противозачаточные таблетки опасны и тебе лучше на время перестать их принимать. Это ты взяла на себя риск. И ты не меньше меня хотела такого завершения. А узнав о беременности, пришла в ужас. Незаконный ребенок стал бы катастрофой. Как и любой другой, говорила ты. Еще одного ребенка ты не хотела. Да и тот, что есть, тебе не нужен.

Венис не смотрела на него. В сердитых глазах вдруг вспыхнул испуг, и он повернулся, чтобы проследить за ее взглядом. В дверях молча стояла Октавия с серебряными подсвечниками в руках. Воцарилась тишина. Мать и дочь словно оцепенели. Пробормотав «прости, мне очень жаль», Марк, проскользнув мимо Октавии, сбежал вниз по лестнице. Миссис Бакли по-прежнему нигде не было, но дверь закрывалась на автоматический замок, и Марку удалось выйти, не прибегая к унизительной просьбе его выпустить.

Только отойдя от дома на некоторое расстояние и перейдя на бег в безнадежной попытке остановить такси, он вдруг осознал, что так и не спросил у Венис, что она хотела ему сказать.

Глава десятая

Дрисдейл Лод знал, что его друзья считают, не без легкой примеси завистливого чувства, что он прекрасно устроил свою жизнь. Он не возражал против такого мнения, приписывая эту заслугу исключительно себе. Положение удачливого адвоката, специализирующегося на делах по обвинению в клевете, давало ему уникальную возможность видеть, до какой степени некоторые люди умудряются запутать свою жизнь; на эту путаницу он взирал с профессиональным сочувствием и одновременно с удивлением: как это мыслящие существа, которым предлагается выбор между порядком и хаосом, благоразумием и глупостью, могут поступать так неразумно. Если бы его расспрашивали дальше, он признал бы, что ему всегда везло. Он был единственным и любимым сыном у обеспеченных родителей. Умный и привлекательный внешне, он и в школе, и в Кембридже делал большие успехи и еще до изучения юриспруденции получил прекрасные оценки по классическим языкам. Его отец не был юристом, но имел друзей в этом кругу, так что найти Дрисдейлу хорошего наставника не представляло труда. В нужное время он стал членом «Чемберс» и при первой представившейся возможности получил «шелк».

Отец умер несколько лет назад, оставив матери приличное состояние. Та не обременяла сына заботами о себе, требуя только, чтобы один уикенд в месяц он проводил в ее доме в Бакингемшире и присутствовал на торжественном обеде. С его стороны требовалось только присутствие, а со стороны матери – хорошая еда и гости, с которыми сыну не было бы скучно. Эти визиты включали в себя и нежные ласки его бывшей няни, которая осталась жить с матерью в качестве компаньонки и помощницы, и возможность поиграть в гольф или интенсивно походить по окрестностям. Грязные сорочки, которые он привозил с собой, тщательно стирались и гладились. Это было дешевле, чем носить через дорогу в ближайшую прачечную, а также экономило время. Мать была страстным садоводом, и Дрисдейл увозил с собой в квартиру на южном берегу Темзы, рядом с Тауэрским мостом, свежесрезанные цветы и сезонные овощи.

Они с матерью испытывали друг к другу живейшую симпатию, в основе которой лежало уважение к эгоизму другого. Единственное недовольство, какое позволяла себе мать – и то намеками, а не открыто, – неторопливость сына в вопросе брака. Она хотела внуков; отец мечтал, что его род продолжится. На обеды приглашались подходящие девушки. Иногда Дрисдейл снисходил до того, что с кем-то из них встречался и позже. И совсем редко после такого обеда завязывался романчик, который обычно заканчивался взаимными обвинениями. Когда последняя соискательница в слезах грозно потребовала ответа: «Кто твоя мать? Сводница, что ли?» – Дрисдейл решил, что вся эта эмоциональная неразбериха превышает полученное удовольствие, и вернулся к прежней практике – стал вновь встречаться с дамами довольно дорогими, зато разборчивыми в выборе клиентов, с воображением в работе и не болтливыми. За такое стоило платить. Лод никогда не искал дешевых удовольствий.

Он знал, что мать, сохранив старомодное предубеждение против разведенных женщин, особенно с детьми, считала Венис неприятной особой и боялась, что сын женится на ней. Такая мысль как-то пришла ему в голову, но уже через час он ее отбросил. Дрисдейл подозревал, что у Венис кто-то есть, хотя никогда не пытался узнать его имя. Об их дружбе в коллегии сплетничали, но на самом деле они никогда не были любовниками. Его не привлекали успешные и властные женщины, и он иногда говорил себе с кривой улыбкой, что секс с Венис был бы чем-то вроде экзамена, а его действия впоследствии подверглись бы подробному перекрестному допросу.

Раз в месяц мать, энергичная и еще привлекательная шестидесятипятилетняя женщина, приезжала в Лондон встретиться с кем-нибудь из подруг, походить по магазинам, посе-

тить выставку или салон красоты, а затем ехала к нему на квартиру, как было и сегодня. Они вместе ужинали, обычно в ресторане у реки, а потом Дрисдейл сажал мать в такси до Марилебона, откуда она поездом добиралась до дома. Типичным проявлением ее независимости было то, что в последнее время она все чаще стала задаваться вопросом, разумно ли ей ехать после насыщенного дня к Тауэрскому мосту, особенно зимой. Не хотелось поздно возвращаться домой. Дрисдейл подозревал, что их негласное соглашение долго не протянет, однако ни мать, ни сын долго жалеть об этом не будут.

В тот момент, когда он, расставшись с матерью, входил в квартиру, зазвонил телефон. В трубке раздался властный голос Венис.

– Я должна тебя видеть, и желательно сегодня. Ты один?

– Да. Только что посадил маму в такси, – ответил Дрисдейл осторожно. – А что, дело не ждет? Уже одиннадцать.

– Не ждет. Я буду у тебя скоро.

Через полчаса он открывал ей дверь. Венис впервые была у него дома. Чрезвычайно щепетильный в таких делах Дрисдейл, если было назначено свидание, заезжал за ней сам, а потом отвозил домой. Однако, оказавшись в его гостиной, Венис не проявила никакого интереса ни к тому, что было внутри комнаты, ни к тому, что было снаружи, – сверкающему простору реки за окном и великолепному в освещении прожекторов Тауэрскому мосту. На какое-то мгновение Дрисдейл даже почувствовал досаду, что комната, которую он так любовно отделывал, может кого-то оставить равнодушным. Не обратив внимания на потрясающий вид из окна, который приковывал внимание всех гостей, Венис сбросила пальто ему на руки, словно он был слугой.

– Что будешь пить? – спросил Дрисдейл.

– Ничего. Все равно. Что и ты.

– Значит, виски?

Дрисдейл знал, что она не любит виски.

– Тогда лучше красное вино. Уже открытое.

Ничего открытого не было, и он достал из бара бутылку «Эрмитажа», наполнил бокал и поставил перед ней на низкий столик.

Не глядя на бокал, Венис сразу приступила к главному:

– Прости, что не предупредила заранее, но мне срочно нужна твоя помощь. Помнишь того парня, Гарри Эша, я еще защищала его три или четыре недели назад?

– Конечно.

– Сегодня после суда я видела его в Олд-Бейли. Он встречается с Октавией. По ее словам, они обручены.

– Лихо. Когда они познакомились?

– После суда над ним. Когда же еще? Ясно, что он все подстроил, и я хочу положить этому конец.

– Понимаю всю нежелательность такого знакомства, но не понимаю, как можно положить этому конец, – осторожно проговорил Дрисдейл. – Насколько я знаю, Октавия совершеннолетняя. И даже в противном случае у тебя были бы трудности. Что ему можно инкриминировать? Его оправдали.

Дрисдейл не произнес вслух того, что и так было ясно: «Благодаря тебе».

– Ты с Октавией говорила? – продолжил он.

– Конечно. Она тверда, как кремень. Это понятно. Часть его очарования в той власти, какую она обретает надо мной, доставляя мне боль.

– Тебе не кажется, что ты несправедлива? Зачем ей доставлять тебе боль? Возможно, она действительно его любит.

– Бог мой, Дрисдейл, будь реалистом. Ну, может, голову от страсти потеряла или задействовано воображение. Пикантный привкус риска – я могу это понять, он опасен. Но что скажешь об Эше? Только не говори, что он влюблен, после этих трех недель. Все не случайно, и кто-то из них, а возможно, и оба сразу, это спланировал. Заговор направлен против меня.

– Эш? Зачем это ему? Он должен быть тебе благодарен.

– Благодарности он не испытывает, да мне она и не нужна. Я просто не хочу, чтобы он присутствовал в моей жизни.

– Но он скорее присутствует в жизни Октавии, разве не так? – тихо сказал Дрисдейл.

– Говорю тебе, Октавия тут ни при чем. Она ему нуж-на, чтобы добраться до меня. Эти двое подумывают, чтобы задействовать прессу. Представляешь? Сентиментальный снимок в воскресной газете, он ее обнимает: «Мамочка спасла моего парня от тюрьмы. Дочь известного криминального адвоката рассказывает ис-торию своей любви».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.